Плачь, принцесса, плачь

Автор:
Вероника Соболева

Плачь, принцесса, плачь

Вероника Орлова

Ульяна Павловна Соболева

Ульяна Соболева

Мирослава взламывает в соцсети аккаунт убитой подруги и узнает, что у нее был жаркий виртуальный роман с неким Джокером. Мира решается написать ему от имени Нины. Она даже не представляет, в какую бездну её затянет эта переписка и кто на самом деле этот таинственный Джокер, который сводит ее с ума и открывает для нее новые грани извращённых, утонченных наслаждений. Ведь им может оказаться кто угодно из окружения Миры…в том числе и убийца Нины.В оформлении обложки использована фотография автора konradbak(Konrad Bak), ресурс depositphotos. Лицензия # 117597232.Содержит нецензурную брань.

Пролог

Больше всего в этом грязном и паршивом мире я ненавижу две вещи. Первая – это ложь. В любом её проявлении. Вы знали, что там, где правит закон, нет места справедливости? Вы знаете все оттенки греха на вкус, но понимаете ли, что иногда согрешить означает совершить добро для этого мира? Означает очистить его от истинного зла. Вы все кричите о торжестве и приоритете правды, но ни один из вас не выдержит и сотой доли того, что она несет в себе. Порождения лжи. Такие же, как я. И еще я ненавижу тишину. Я ненавижу безмолвие, которое длится дольше нескольких секунд. Оно впивается в моё тело краями острых мыслей, режущих на живую сознание.

А вы этой тишины боитесь. В этой тишине вы никогда не бываете одни. В этой тишине вас всегда жду Я.

(Joker 09.09.09. 20:35)

«В цепи, цепи и кольца.

Целься, стреляй в моё солнце.

Добивай меня,

Чтобы не было больше.

Цепи, цепи и кольца.

Целься, стреляй в моё солнце.

Добивай меня,

Чтобы совсем не стало больше»

(с) Линда – Цепи и Кольца.

«Harley Quinn 00:48:12

– Это такая шутка? Что это означает?

Joker 00:50:43

– Это означает, что я сделал домашнее задание и исполняю твои желания.

Harley Quinn 00:51:02

– Почему именно так?

Joker 00:52:23

– Потому, что тебе это нравится. Разве ты не этого хотела?

Harley Quinn 00:54:12

– Не мало ли времени для такой обширной работы? Или ты меня знаешь?

Harley Quinn 00:55:08

– А вот это не имеет значения. Может, знаю, а может, и нет.

Harley Quinn 00:56:56

– В таком случае это не честно, если ты знаешь, кто я, а я совершенно не знаю, кто ты.

Joker 00:57:21

– А кто сказал, что я играю честно? Я – это Я. Ты же видишь, кто я.

Harley Quinn 00:58:34

– Это смешно!

Joker 00:59:50

– Ты хотела исполнения желаний. Я уже выполняю твое условие, тогда как ты пока что нарушаешь мои.

Harley Quinn 01:03:27

– Ты их не озвучил!

Joker 01:05:19

– Итак, правило второе – ты не будешь мне лгать! Потому что я все равно узнаю, что ты мне лжешь!

Harley Quinn 01:06:58

– Ты сказал, что игра может быть нечестной.

Joker 01:08:11

– Читаем первое правило – все правила только МОИ. И ты не будешь мне лгать никогда.

Harley Quinn 01:09:41

– И что будет, если я солгу? (смеющийся смайл)

Joker 01:10:32

– Видишь мое имя? А как бы ОН отнесся ко лжи?

Harley Quinn 01:13:13

– .....

Joker 01:14:29

– Ответ тебя не устроил?

Harley Quinn 01:15:06

– Скорее, озадачил. Мы же играем и ты – это не он.

Joker 01:17:18

– Почему ты так в этом уверена? Здесь, в этом чате, я тот, кем ты хотела, чтобы я был.

Harley Quinn 01:19:22

– Я не уверена, что смогу в это играть.

Joker 01:20:41

– Не важно, в чем ты уверена, важно то, чего ты хочешь, а ты хотела меня. Разве нет? Отвечай! Хотела? Скажи: "Да! Я хотела тебя, Джокер"!

Harley Quinn 01:22:03

– Да. Я хотела тебя.

Joker 01:23:14

– У меня есть имя. Называй меня по имени.

Harley Quinn 01:25:07

– Оно не настоящее. Это никнейм!

Joker 01:26:00

– Для тебя оно настоящее. И это третье правило! Еще один шанс. Единственный. Ты можешь отказаться играть. Прямо сейчас. Просто выйди из аккаунта.

Harley Quinn 01:45:09

– Я хотела тебя, Джокер… И я хочу играть.

Joker 01:47:10

– Правильный выбор».

Я несколько минут смотрела на чужую переписку…потом на фотографию Нины в черной рамке, стоящую на письменном столе. Она в белом платье с выпускного. Такая юная, красивая с вьющимися локонами длинных пшеничных волос, с радостной улыбкой и с ямочками на щеках. Я хорошо помнила её такой, даже несмотря на то, что с тех пор прошло много времени, ведь я сама укладывала ей волосы тогда. А потом перед глазами мрачными, серыми картинками – она же в гробу, прикрытая белой простыней до самого лица. Только уже мертвая.

И в этот момент пришло сообщение.

«Ты здесь, крошка? Вижу тебя онлайн. Пропустила наше время. А я не люблю, когда опаздывают».

Я повернулась к ноутбуку. Наверное, это было слишком неожиданно. И вначале я испугалась, что меня поймали с поличным в чужом акке… а потом поняла – Джокер не знает, что Нина умерла. Он пишет именно ей. А значит, либо я отвечу…либо выйду прямо сейчас.

Сама не поняла, как рука потянулась к клавиатуре, и я написала:

«– Привет, Джокер. Прости, что опоздала. Мы сегодня играем?

– Мы всегда играем, девочка. Даже когда мы оба не онлайн. Не забывай об этом».

Глава 1. Джокер

«Садись на меня.

Мы будем не здесь,

Когда эту грязь увидит заря,

Но только не нас, но только без нас -

Меня и тебя.

Невинные дети не встретят в раю

Мою и твою.

Продали мечту,

Купили мечту,

Порвали мечту».

© Агата Кристи – Порвали мечту

Чёткие аккорды «Агаты Кристи» исказил свист чайника, извещавший о том, что вода вскипела. Направился на кухню, достал чашку и открыл холодильник в поисках лимона. Вот ублюдок! Опять не купил лимон. Зато несколько пакетов сливок к своему долбаному кофе приготовил заранее, эгоист хренов.

«Порвали мечту

Такие тупые, что хочется выть

А небо такое, что можно убить,

Никто не заметит, когда я начну…»

© Агата Кристи – Порвали мечту

Выкинул его припасы в ведро, предварительно вылив каждый пакет в раковину. Если не понимает по-хорошему, то пусть с утра давится черным кофе, который терпеть не может.

Скулы свело от желания закурить. Похлопал по карманам и чертыхнулся, вспомнив, что так и не купил сигарет. Придется прогуляться до круглосуточного ларька неподалеку. Закинул куртку на плечо, схватил со стола наушники и начал закрывать дверь, когда услышал торопливые шаги, донесшиеся из квартиры напротив.

Усмехнулся, надвигая на самые глаза капюшон. Проходя мимо обшарпанной двери, постучал костяшками пальцев по деревянной поверхности и громко прошептал:

– Лизавет Иванна, а вчера в соседнем доме одну старушку увезли на «скорой». Говорят, сердце остановилось неожиданно, когда сериал свой смотрела.

Поднял запястье к самому глазку, демонстрируя часы и представляя, как сжалась в угол маленькая старушенция:

– Кстати, «Клон» ваш уже через три минуты начнется.

Едва не рассмеялся, услышав судорожный вздох, и, напоследок отстучав кончиками пальцев похоронный марш, спустился вниз, вырываясь на свободу из удушающей вони подъезда.

Вдел наушники, включая «плэй» и глядя, как рисует луна призрачные силуэты между деревьями. Иногда мне казалось, если выключить музыку, я услышу их шёпот. А этого дерьма мне однозначно не надо было. Именно поэтому всегда только музыка, к чёрту сирены автомобилей, визг шин и крики пьяных прохожих.

Вскинул голову, глядя на огромный щит у дороги, освещенный фонарем. Счастливая, улыбающаяся девочка смотрела обожающим взглядом на мужчину рядом с собой. В руках он держал маленького плюшевого медведя с бантом.

«У каждого своё счастье. Наша задача – сделать счастливыми всех!». Всё в лучших традициях предвыборной кампании для идиотов. И можно с уверенностью говорить о том, что многие купятся и на фальшивую улыбку депутата, и на пошлую наивность ребенка, протягивающего руки за игрушкой. Я же, не отрываясь, смотрел на шею медведя, перевязанную белым бантом. Туго. Так туго, что, казалось, мишке трудно дышать, его красный рот был полуоткрыт, будто ему не хватало воздуха, а глаза чернели выпуклыми бусинами. Вот только

никто не видит, как задыхается это самое счастье в толстых пальцах, все видят только дорогой костюм и две аккуратные косички девочки.

«Дмитрий Белозеров – твой кандидат!» – продолжает утверждать лозунг. Я улыбнулся, опуская голову и отходя от плаката. О, да, Дмитрий Лазаревич определенно мой кандидат. Далеко не первый в списке, но самый главный.

Возле ларька на облезлом стенде красовалась информация о проведении «Вечера настоящей мелодии». В программе значились Бах, Бетховен, Моцарт, Верди, Чайковский. Открывать мероприятие предстояло самому Дмитрию Белозерову, гордо стоявшему рядом с двумя красавицами в окружении прыщавых учащихся консерватории. Одну из них, ослепительную блондинку, он по-хозяйски приобнял за плечи, а вторая, зеленоглазая брюнетка, скромно улыбалась, глядя прямо в камеру. Идеальная семья, в которой даже воротник платья не может лежать неидеально.

– Чё раскорячился? Будешь что брать, нет? Я окно закрою – дует же.

Вздрогнул, оглянувшись на окрик продавщицы.

– Чёрный «Винстон» с синей полоской. Три пачки. Лимоны есть? Давай один.

«Когда я начну,

Наполню суровой реальностью сон.

Когда я начну,

Умоется кровью ваш Вавилон.

И каждая тварь

От солнечной правды будет стонать, от боли

И выть, когда я начну конкретно мочить».

Проходя мимо стенда, покачал головой, с наслаждением затягиваясь сигаретой.

– Не ту музыку слушаете, Дмитрий Лазаревич. Не ту.

Уже дома кинул покупки, наушники с телефоном и выуженную из почтового ящика газетку на стол, зажег газ, ставя снова чайник. Прикурил еще одну сигарету, чувствуя, как начинает сдавливать голову от звенящей тишины в квартире, как начинает стучать в висках от гнетущего безмолвия. И уже через несколько секунд едва не сдох от облегчения, когда в колонках взревела Металлика.

Черно – белое изображение девушки в деловом костюме снова улыбалось камере, будто соблазняя ее.

Мирослава Лазаревна Белозерова. С ума сойти. Это же надо было так назвать дочь. Чертовы аристократы с их причудливыми вкусами. Что только не придумают, лишь бы выделиться.

Можно подумать, этой сучке мало её красоты, которую даже газетенка низкого пошиба не смогла испортить своими разводами и нечеткими красками. Хотя, одернул себя, сучкой её точно не назвать. Скорее, пустая высокомерная дурочка, главным достоинством которой стало рождение в нужной семье. Характера маловато для стервы. Повезло, что все склоняли голову перед фамилией, открывая все двери и уступая лучшие места. Смотрел на ее фото и видел всю её жизнь, год за годом. Закрытый сад и престижная школа, обучение в столице и огромная квартира в самом центре, как подарок на окончание ВУЗа. Устроили под боком у близких друзей семьи. Всегда под присмотром и опекой. Но и в то же время ни шагу влево или вправо. Скучно, предсказуемо и ослепительно успешно. Кто-то мог бы позавидовать…черт, да абсолютно все. Вот только за всё в этой жизни нужно платить. И свадьба с первым же богатым толстосумом, на которого укажет отец, это не та оплата, которую птичка задолжала за свою золотую клетку.

Поставил недопитую чашку в раковину: кое-кто побесится завтра с утра, опаздывая в свой первый рабочий день.

Закололо кончики пальцев от предвкушения. Завтра мы встретимся с тобой, маленькая принцесса, и я лично проверю, так ли ты умна, как говорят о тебе все эти многочисленные интервью и статьи. Они тоже куплены деньгами твоей семьи?

Зашел в комнату и плюхнулся на диван, включая телевизор на полную громкость и приглушая музыку. Где-то сбоку постучали в стену и что-то закричали, но я даже не прислушивался. Никто из трусливых крыс, живущих по соседству не решится ни вызвать ментов, ни тем более заявиться ко мне. Всё уже пробовали. Конечно, не они, а бывшие хозяева их квартир. А этим ой как не хочется тоже оказаться вдруг бывшими. Правда, ни один из них понятия не имеет, что именно произошло. Люди всегда предпочитают слухи. И чем они грязнее и изощрённее, тем лучше. Кому нужна истина, неуклюжая как топор, когда можно стилетом лжи выводить любые узоры, самые мелкие и витиеватые?

Лениво переключал каналы, пока не наткнулся на криминальные новости. А вот это интересно! Похоже, опять кого-то прирезали, ограбили или изнасиловали. От одной мысли о последнем стало тесно в паху. Сколько у меня женщины не было? Около недели? А ощущение будто месяц не трахался. Рука непроизвольно потянулась к телефону, там как раз последним в списке должен стоять звонок той тёлке, которую подцепил в переходе метро. Обычно я предпочитал не связываться с «гражданскими». Меня вполне устраивали шалавы. Заплатил – получил удовольствие, и до следующей случайной встречи! Но эта девочка обошлась дешевле проститутки: ей нужен был ночлег на ночь, а мне нужен был минет, да и рот у неё оказался вполне себе рабочим. Одёрнул руку – не сегодня. Вот завтра и отметим по полной программе важное событие нашего друга.

Кадры, в которых несколько жирных ментов вежливо, определенно играя на камеру, допрашивали шлюх в грязном белье посреди заваленной матрацами комнатушки, сменились на другие, и я выключил музыку совсем.

– Сегодня на ****** кладбище состоялись похороны Богатовой Нины Владимировны, дочери известного телемагната Богатова Владимира Алексеевича. Напоминаем, девушка была убита в ночь с двадцать второго на двадцать третье мая, её труп в машине обнаружили случайные прохожие, совершавшие пробежку утром двадцать третьего мая. По словам родителей убитой, их дочь накануне смерти отмечала день рождения своего друга в одном из элитных ночных клубов и должна была вернуться только к утру. Однако, друзья девушки утверждают, что в районе двух часов ночи Нина подошла к ним

взволнованная и попрощалась, сообщив, что уезжает с другом, которого никому из них увидеть не удалось. Одна из камер наружного наблюдения засекла высокого мужчину в темной куртке с капюшоном, вместе с которым девушка села в свой автомобиль и уехала. Рассмотреть лицо подозреваемого специалистам не удалось.

Причиной смерти по мнению судмедэкспертов стали многочисленные ножевые ранения. Следствие склоняется к версии обычного ограбления. Убийца похитил дорогие гаджеты и украшения, принадлежавшие молодой женщине. Личность предполагаемого преступника пока…».

Скучно…я ненавидел криминальные сводки. Заученный монотонный текст, изредка прерывающийся осуждающими либо предостерегающими нотками в голосе дикторов. Причина смерти…Причиной смерти стала абсолютная глупость девчонки, которая отправилась неизвестно с кем неизвестно куда. Говорить о безопасном обществе и безопасном мире без убийств, ограблений, унижений и насилия особенно хорошо, сидя в кабинете с охранниками за дверью и глядя в окно с бронированными стеклами.

Произносить обличительные речи в адрес современного, прогнившего в своих пороках общества всё же лучше в окружении телохранителей и одетым в бронежилет последней модели.

Грёбаное правовое сообщество несомненно дарит чувство безопасности. Но определенно не саму безопасность.

Камера репортера медленно двигалась по унылым лицам людей, обступивших опускаемый в землю гроб. Аккуратные рыдания матери в элегантный черный платочек, застывшие слезы в глазах отца, не сумевшего со всем своим миллионным состоянием уберечь дочь, подруги, друзья и родные, пришедшие отдать последний долг. Подался вперед, увидев хрупкую девушку в черном платке со слезами на щеках.

Её горе выглядело настолько настоящим, что его можно было прочувствовать даже через экран. Мне понравилось простое черное платье на ней. Оно оттеняло белизну её нежной шеи. Тёмные локоны спускались на плечи, ветер трепал их, разрушая прическу, ломая выверенный образ идеальной красавицы со стенда. Её слёзы… Я смотрел на мокрые дорожки на её щеках и не мог не признать, что они

ей шли куда больше радостной улыбки на фото в газете. Говорят, мужчины ненавидят женские слёзы…Идиоты просто не умеют пользоваться той властью, которую предоставляет женская боль. Властью, которую хочется с каждым разом всё больше и больше. Улыбка – это маска, которую надеть на себя может каждый. Настоящие чувства плескаются на дне глаз, там, где и таится боль. И стоит один раз почувствовать, как она вырывается наружу дрожью рук или жидким серебром из глаз, стоит один раз услышать её хриплый всхлип беспомощности, чтобы влюбиться в неё окончательно и бесповоротно. В эту боль. Захотеть обладать ею безгранично и беспощадно под хриплые мольбы о милосердии.

Включил ноутбук и музыку. Скрытые файлы. Список имён с точными датами рождения и фотографиями. Должности, адреса. Хобби и семья. Любовницы и любовники. Их фото и увлечения. В 21 веке собрать информацию о человеке легче, чем сходить в туалет. Спасибо социальным сетям. И тем наивным идиотам, что с завидным упорством выставляют свои фотографии в целях завоевать уважение, доверие, любовь или просто любое внимание у окружающих. Непонятное маниакальное желание внимания со стороны абсолютно чужих, незнакомых людей. Каждый из зарегистрированных пользователей – готовый пациент для психиатра. Проблема только в том, что у психиатров у самих здесь аккаунты. Статус человека подтверждают теперь не высшее образование или банковский счёт, а количество подписчиков и «лайков».

Зайти в сеть, набрав пароль и логин, чтобы уже через мгновение быть на нужной странице. Застыть перед фотографиями, внимательно всматриваясь в каждое изображение, запоминая мельчайшие детали: от чашки дымящегося кофе на столе до очертания известного парфюмерного бренда на дальней полке. Увеличить фото, чтобы выписать пометку в нужный файл. На следующей фотографии улыбающаяся Мирослава Лазаревна снова в строгом костюме. Комментарий: «Моё первое дело…Победа. Ура!». Тонкие пальцы сжимают элегантную черную папку. На среднем пальце блестит кольцо из белого золота с аккуратным бриллиантом. Девушка явно не любит вычурность. Никаких лишних украшений на работе, но в то же время шикарное изумрудное колье на какой-то вечеринке. Никаких фото с собачками, больше похожими на дохлых крыс, и яркими коктейлями в унизанных кольцами, подобно кастету, пальцах.

Коллективное фото в компании подруг, на котором настоящей кажется только она. Настоящей, а не очередной куклой с надутыми губами и прищуром. Снова с улыбкой, которая, правда, не тронула глаз. Нет, определенно печать горя

больше тебе к лицу, Принцесса.

Создать новый документ, печатая первые строки уже известной информации.

«Белозёрова Мирослава Лазаревна.

Рабочее имя: «Принцесса»

Дата рождения: 15 октября 1992 г.р.

Волосы – тёмные. Цвет глаз – зеленый. Рост – 168 см.

Телосложение хрупкое.

Место работы: ЮФ «Белозёров и партнёры».

Должность – юрист в сфере хозяйственного права.

Стаж работы – 1 год.

Предпочитаемые места отдыха – …

Любимый исполнитель –…».

Я знал о ней так много и в то же время недостаточно для того, чтобы сблизиться. А, впрочем, я не торопился. Времени было достаточно. Дорога к ней должна была занять еще, как минимум, четыре пункта.

Сохранить фотографии в её папке, загрузив туда же её любимую музыку. Так называемый «женский рок», хотя лучше он, чем завывания современной отечественной эстрады. Первая же песня взрывается в голове непривычно чувственным голосом.

«Ты заставляешь меня желать смерти,

Я никогда не буду достаточно хорошей для тебя,

Ты заставляешь меня желать смерти,

И всё, что ты любишь, сгорит на свету.

Каждый раз, когда я смотрю в твои глаза,

Я начинаю желать смерти».

©«The Pretty Reckless» – «You Make Me Wanna Die»

Я никогда не верил в Судьбу, Принцесса, всегда считал, что только человек своими действиями определяет свое место в жизни…Но что это, если не Судьба?

***

– Коооооость…Ну, Коооооость…

Засмеялся, почувствовав, как обхватили тонкие ручки за талию.

– Мелкая, свали. Я опоздаю из-за тебя.

– Ну, и что! – Я мог поклясться, что она надула губки. – А я боюсь, что ты опоздаешь на мой День Рождения!

Развернулся к ней и приподнял в воздух, охнув, когда она намеренно, но несильно, въехала ногой мне по колену. Зашептал в ухо, вдыхая в себя запах детского шампуня и фруктовых конфет.

– Таааааань, я ненадолго и обязательно успею к твоей днюхе. Я всего на пару дней. Я не могу отменить сборы.

– Но обещай, что ты обязательно приедешь в выходные? – карие глазки сузились, а мне в нос уткнулся маленький пальчик.

– Да, обещаю, обещаю. Довольна?

Спустил её на пол, с улыбкой глядя, как она поскакала прочь.

Я вернулся, как и обещал, в её День Рождения. С огромным медведем больше ее роста. Вернулся, чтобы стать тем, кто закроет её глаза навечно.

Когда увидел выключенный свет в окнах, решил, что маленькая чертовка уговорила родителей устроить мне сюрприз…или же наказать меня. Я опоздал на два часа. Открыл ключом дверь и закричал во все горло:

– Танька – заразка моя маленькая, с Днём Рождения!

Вначале я даже не понял, что за тишина окутала дом.

– Народ, харэ притворяться! Тааань, смотри, что принёс тебе! Отдам за поцелуй!

Щёлкнул выключателем, но свет не включился. Понятно, вылетели пробки.

– Тань, десять поцелуев. Забирай, пока я добрый.

Включил фонарь на телефоне и проследовал по направлению к кухне.

Это было похоже на оглушительный выстрел среди полной тишины. Тихий долгий стон, от которого внутри перевернулось всё. А потом словно в фильме ужасов – следы крови, теперь отчетливо видневшиеся на полу, раскиданные диванные подушки и опрокинутые кресла.

Сорвался на бег и остановился как вкопанный, чтобы заорать, чтобы разорвать криком могильную тишину, обрушившуюся на мой дом».

***

Вскочил в холодном поту, опрокидывая на пол стоящую на стуле пепельницу.

Снова этот сон. Впрочем, я настолько привык к нему, что для меня провести хотя бы одну ночь без встречи с прошлым стало бы большим сюрпризом, чем наоборот.

Кто-то считает, что в кошмарах обязательно должны присутствовать привидения и чудовища, в моём же кошмаре были лишь люди. Близкие и любимые. Только мёртвые. Каждую ночь одно и то же: возвращение домой и зверски вырезанная семья. Моя семья. Гнетущая тишина и чувство ужаса, от которого подкашиваются ноги. А потом и самое страшное – именинница с праздничным колпаком, истекающая кровью и хрипящая моё имя. Мне казалось, что она превратилась в сплошной фонтан крови – десять ножевых ранений по всей поверхности тела. Потом она постоянно будет приходить ко мне именно такая: маленькая девочка в кровавой одежде и со съехавшим на бок бумажным колпаком.

Её не удалось спасти. Грёбаная «скорая» ехала так долго, что Таня не дождалась – закрыла глаза за несколько секунд до того, как послышались крики полицейских и врачей.

Меня никто не слышал. Хотя я не могу с точностью сказать, что я что-то говорил. Я просто смотрел на свою мертвую сестренку и понимал, что они опоздали. Я слышал словно издалека веселый тон доктора «скорой», говорившего о том, что здесь ему нечего делать, и чувствовал, как просыпается желание наброситься на него и сжать ладонями горло.

Они обвинят во всём меня. В том, что я убил свою собственную семью и направят меня в психушку, а через три года, после того, как местный врач подпишет необходимые документы – на зону на двенадцать лет. Эти грёбаные ублюдки назовут зверское убийство моей семьи сухим термином «преступление», привязав к определенным статьям Уголовного Кодекса.

Их лживые свидетели и эксперты будут говорить о том, что у меня неожиданно сорвало крышу, но это, конечно, не смягчает особой жестокости, с которой было совершено «преступление». Однако, мне однозначно необходимо принудительное лечение. Сосед будет утверждать, что в последнее время мое поведение было «необычайно раздражительным», и вообще, я агрессивный тип, склонный к насилию.

Тренер футбольной команды с легкой грустью расскажет о том, что последние сборы я пропустил. А девушка, с которой я провел те два дня, упорно будет отрицать, что трахалась всё это время со мной на съёмной квартире.

Они все говорили, каждый своё, но никто из них не слышал того, что произносил я. Они вынесли мне приговор еще там, в моем доме, насквозь провонявшем смертью. И сейчас настало моё время вершить правосудие.

Глава 2. Мирослава

Тьма пожирает мой разум,

Свет свёл меня с ума.

Пламя полыхает, а я в самом его центре,

Я хочу просто умереть здесь,

и ты меня живой не выпустишь.

Ты хочешь, чтобы я сгорела, чтобы я сгорела,

Хочешь, чтобы я почувствовала боль,

и тогда, может, усвоила бы урок…

©«The Pretty Reckless» – «Burn»

Огонь – живая и жуткая, голодная тварь. Нет в нем тепла и света, в нем только смерть и лють. Он оставляет после себя уродство и ужас. Самое страшное уродство, какое можно сотворить с кем-либо живым. Я смотрю, как он ползет по стенам шевелящимися оранжевыми червями, переливаясь и копошась, сжирая тонкую бумагу обоев. Чернота за ним шлейфом. Адская и вонючая чернота. Сжимаются и скукоживаются бледные цветы, превращаются в струпья и лохмотья. Языки пламени лижут потолок, все трещит вокруг, и удушливый дым забивается в легкие, разрывает их, разъедает глаза. Я слышу крики. Жуткие оглушительные вопли боли и ужаса. Они гудят эхом у меня в голове, а по щекам катятся черные слезы из пепла и сажи. Я вытираю их, и пальцы обугливаются у

меня на глазах. Задыхаясь, с ужасом смотрю, как слезает кожа, как она горит и сворачивается, воняет горелым мясом. Вот как выглядит смерть. Не старуха с косой, не черный ангел с распростертыми крыльями, а адская огненная стена, готовая поглотить тебя в свою раззявленную пасть…И снова крики. Мольбы о помощи. Стоны и плач…Смерть уже кого-то жрет живьем и скоро она доберется до меня. Я чувствую ее зловонное и удушливое дыхание… Она меня заждалась.

Вскочила на постели, тяжело дыша, трогая лицо, делая судорожные глотки воздуха и глядя на свои пальцы. В голове все еще раздаются крики, и я зажимаю уши ладонями, в ужасе лихорадочно оглядываясь по сторонам. Несколько минут на то, чтобы проснуться и понять, что это был сон. Комната залита солнечным светом, и мягкий, золотистый рисунок обоев совсем не похож на обугленные черные струпья из ночного кошмара. В воздухе не витает запах гари и смерти, а доносится аромат свежеиспеченных булочек и цветов. Мама любит, чтобы их приносили каждое утро. Доносится шум с улицы, голоса. Посмотрела на часы – восемь. Давно мне не снился этот кошмар. Уже несколько лет. Бросила взгляд на бутылочку с антидепрессантами, протянула руку, но не взяла. Это один раз. Всего лишь один раз за шесть лет. Возможно, больше он не вернется. Я просто не должна об этом думать. Забыть. Выкинуть из головы. Сделать вид, что он мне не снился. Я избавилась от этого. Я выросла из этих приступов паники. Да. Они остались позади.

Встала с постели и распахнула шторы, впуская солнечный свет, рассеивающий мрачные тени ночного кошмара. А во рту все еще привкус пепла, и каждый вздох дается с трудом.

Потянулась к телефону, быстро набрала сообщение: «Нин…ты уже не спишь? Мне так плохо. Мне опять приснилось….»… и замерла, глядя на маленькое изображение адресата. Забавная картинка с девушкой из комикса с колпаком и бубенчиками. Внутри все сжалось в тугую спираль, а взгляд затянула соленая едкая пелена. Нет адресата. Её больше нет. Мне некому позвонить, когда мне плохо, мне некому написать, мне некому вопить от радости или плакать от тоски. Стерла сообщение и положила сотовый на тумбочку. Закрыла лицо руками, чтобы немного прийти в себя, а в голове такое непреодолимое желание набрать ее номер. Все цифры пляшут перед глазами. Вот когда приходит осознание, что человека нет рядом. Не тогда, когда тебе говорят о его смерти и даже не тогда, когда бросаешь горстку земли на гроб, а именно тогда, когда понимаешь, что больше не можешь его услышать и почувствовать. Когда такие привычные звонки, смски вдруг становятся чем-то фантастически

недосягаемым. Ты уже не получишь на них ответа. Никогда. И тебе надо отвыкать. Отвыкать от всего, что связано с этим человеком… отвыкать от самой себя. Отрывая и закапывая этот самый кусок где-то в соседнюю могилу и оплакивая обоих, пока снова не привыкнешь, пока место ампутации не затянется с годами, оставляя шрам, который болит в те самые мгновения, когда вдруг невыносимо хочется снова почувствовать тот самый кусок себя, существовавший лишь с определенным человеком. В жизни так мало людей, которые знают нас настоящих, без масок и притворства. Когда они уходят, становится страшно, что больше ни перед кем нельзя снять маску…не смыть грим, не раздеться донага, что больше никогда не стать настоящей.

Я быстро умылась, не глядя в зеркало. Распахнула шкаф и автоматически выбрала черную одежду. Может, кто-то решит, что это траур, но я не носила иных цветов. Только иногда, когда того требовало мероприятие. Мне нравилось заворачиваться в черное. Оно не испачкается, оно непроницаемое, оно надежно скроет все, что не положено видеть никому. Я уже не помнила, когда впервые не смогла надеть вещь другого цвета. Точнее… я не хотела помнить.

Это все после смерти Нины. Вот это состояние. Я должна с ним справиться. Обязательно должна. Расчесала волосы, собирая в узел на затылке, застегнула блузку на все пуговицы, поправила строгую юбку и наконец посмотрела в зеркало.

Привычные штрихи косметики, даже не глядя, мазок бордовой помадой по губам.

«– Тебе идет именно бордовый. Ты похожа на готические картинку. Никогда не представляла тебя в розовом или голубом. Бабочки, рюшки.

– Зачем? Ты наденешь за нас двоих. Вот эта салатовая просто верх экзотики.

– А еще есть оранжевая и красная.

– Оранжевая? Упаси Бог!

– Или малиновая.

– Ужас! Я никуда с тобой не пойду!

– Пойдешь, иначе я в свой День Рождения из-за тебя тоже останусь дома, и тебе будет стыдно.

– Не будет. Я закажу нам суши, и мы посмотрим твоего любимого Джокера.

– Слааав.

– М?

– А он мне вчера написал.

– Кто?

– Джокер.

– Угу. А Бэтмен не писал?

– Да ну тебя. Я серьезно. В той группе, о которой я рассказывала тебе… Я оставила там заявку и…он написал мне тогда, а потом…

– Боже! Ты серьезно решилась продолжить этот бред? Джокер. Исполнение желаний. Группы вконтакте. Переписки. Задания.

– Я больше ничего тебе не расскажу.

– Да, ладно. Ну, и что написал?

– Я покажу тебе. Он написал мне на сотовый.

– Ты дала ему свой сотовый?

– Правила игры!

– Ну да. Как я забыла правила игры?!

– Он такое мне пишет… Слав. Я… я, кажется, влюбилась.

– Ну да. В виртуального Джокера, который обещал исполнить твои желания.

– Он их исполняет.

– Конечно. Исполняет. Я в этом даже не сомневаюсь».

Не заметила, как сильно ярко навела губы, пока вспоминала разговор с Ниной.

Вытерла полностью. Не хочу. Ничего не хочу. Я бы легла в своей кровати под одеяло, включила наши видео с Ниной в инстаграме, и чтоб никто не трогал меня.

Запищал сотовый.

«Слава, отец уже спустился. Не опаздывай!»

Пока шла по ступеням вниз, взгляд цеплялся за семейные фотографии в красивых золотистых рамках. Мама ужасно любила развешивать по дому не картины, а именно наши портреты. Говорила, что нет ничего прекраснее, чем всегда видеть нас всех вместе. Идеальная семья. Как с обложки заграничных журналов. Все счастливы. Все улыбаются. Все четверо. Я, брат и мать с отцом. Счастье под стеклом в золотом ободке. Как пойманная в клетку птица, которой можно любоваться и восхищаться не зная, что на самом деле она чувствует, запертая в решетку из прутьев. Мельком заметила пару пустых мест. Кто не знает, никогда бы не догадался, что там чего-то не хватает. Взгляд застыл на чуть более ярком квадрате обоев между моим портретом и Димкиным. На секунду показалось, что обои темнеют и скручиваются, тлеют. Нахмурилась, сильнее сжимая перила.

– Слава! Ты опаздываешь!

Голос мамы вывел из оцепенения.

– Уже иду, мама!

Даже голос не дрогнул. Выходные я всегда проводила у родителей. Так было заведено у нас. Традиции нашей семьи были неизменными всегда. Что бы ни произошло вокруг, Белозеровы соблюдали ритуалы из года в год.

Иногда мне казалось, что я живу в каком-то бесконечном дне сурка. Где каждая минута похожа на предыдущую, а день не отличается от вчерашнего, как под копирку. Четкое расписание по часам, и не дай Бог нарушить систему. Гнев Лазаря Вениаминовича тут же обрушивался на головы виновных. Вышколенная прислуга в белых фартуках, кухарки, не смеющие зайти в дом с главного входа, работники, дрожащие от одного звука его имени, и мы все, трусливо соглашающиеся с каждым его словом и действием.

На каком-то этапе меня это начало сводить с ума, и я съехала от родителей. Как и Димка. Он вообще уехал учиться в Европу, как только окончил частную школу-лицей.

– Слава! – мать укоризненно посмотрела на меня, потом на часы и на отца, – Завтрак начался еще пять минут назад!

– Простите, я не могла кое-что найти. Кое-что очень важное.

Отец размеренно намазывал хлеб маслом. Очень аккуратно, так чтобы слой был одинаковым со всех сторон.

– Если бы ты все складывала по своим местам, то искать бы не пришлось, – обыденным поучающим тоном сказал он и отпил крепкий чай из прозрачного стакана. А я почувствовала себя провинившимся ребенком, словно мне не двадцать четыре, а восемь. – Садись за стол, Мирослава. Через десять минут будет подана машина.

– Я на своей, папа. – отодвинула стул и села напротив него, автоматически придвигая к себе тарелку и глядя, как поблескивают запонки на манжетах его серого пиджака. Как мама подвигает к нему хрустальную пиалу с джемом и при этом улыбается аккуратно накрашенными губами. Восемь утра, а она причесана и одета так, словно к нам скоро придут гости. Это удивило бы кого угодно, но только не меня. Ровно в десять водитель отвезет ее в благотворительный фонд.

Как и всегда по понедельникам. Я смотрела на них, и мне казалось, что это не живые люди, а картина, которая остается неизменной в течение веков, только у персонажей со временем добавляются седина и морщинки.

– Ты принимала снотворное? – мать подвинула мне тарелку с булочками. – Если да, то лучше за руль не садится и…

– Я не принимала снотворное, мама.

Кусок в горло не лез, но я все же откусила воздушную булку плетенку и медленно разжевала, прислушиваясь ко вкусу – пепел на зубах не хрустел, и я с облегчением отпила из чашки кофе.

– Я взял на работу нового программиста, – сказал, как бы между прочим, положил в рот один из нарезанных кубиков батона и посмотрел на меня, а я так и застыла с булкой в руке. Владелец компании, он предпочитал лично контролировать кадровую политику на предприятии, утверждая, что в хорошо отлаженном механизме даже мельчайшие детали важны.

– Хорошо, папа.

Медленно выдохнула и положила булку на тарелку.

– Мне нужно в офис пораньше – много работы скопилось за выходные.

– Ты могла часть работы сделать еще вчера.

– Лазарь! – с укором, но не повышая тон. Мама всегда разговаривала с отцом именно так. Очень спокойно и до отвратительного вежливо. – Позавчера были похороны!

– Но это же не её похоронили. Ответственность превыше всего.

Я встала из-за стола и отодвинула от себя тарелку.

– Спасибо. Было очень вкусно. Мне пора.

Поцеловала мать в щеку, а она ободряюще погладила меня по щеке.

– Надо время, родная. Время все лечит.

«А тебя оно вылечило?»

Но вслух я этого не сказала, только натянуто улыбнулась.

– Осторожнее там на дороге. Не гоняй.

Проходя мимо столика с газетами и журналами остановилась, заметив заголовок старой газеты.

«В пригороде столицы найден труп женщины лет двадцати со следами насильственной смерти и увечий…Рот жертвы…»

Я не стала дальше читать. Быстро выдохнула и толкнула стеклянную дверь. С улицы удушливо пахнуло цветущей акацией. Никакого запаха гари и пепла.

***

Я зашла в кабинет, чувствуя, как перехватило в горле от желания опрокинуть в себя чашку с горячим кофе, которую держала в руках. Если я не сделаю хотя бы глоток прямо сейчас, моя голова просто расколется на части. С наслаждением отпила ароматный напиток, еле сдержав стон облегчения, поставила чашку на стол и полезла в сумку за антидепрессантом. Мне это все же необходимо. Иначе я просто распадусь на части, и тогда ночные кошмары…Они вернутся ко мне.

Зазвонил рабочий телефон:

– Мирослава Лазаревна, есть какие – то сдвиги по заключению контракта с "Нефтью Сибири"?

У нашего генерального директора имелась удивительная привычка не здороваться при разговорах с сотрудниками. Правда, обычно со мной он себе такого неуважения не позволял, да, и звал чаще Славочкой, но северяне настолько затянули подписание контракта, что нервы у "генерала" сдавали.

– Валерий Георгиевич, они прислали протокол разногласий к нашему варианту договора. Вот сижу и изучаю – требуют указать в нём просто космические неустойки за неудовлетворительный итог по делу.

– Сволочи! – Директор что-то еще произнес, видимо, прикрыв ладонью трубку, слов я не разобрала. – Изучай, Славочка. Мне в папку все сноски, как обычно.

– Конечно, Валерий Георгиевич.

Положила трубку, чувствуя, что головная боль не проходит, как и осадок после сна. Раньше всегда становилось легче, когда я погружалась в работу. Из коридора доносился смех и голоса сотрудников. Принимают новенького. Так заведено. Торт. Вино. А два дня назад поминали Нину. Торт. Вино. Вот так все просто. Одинаковая значимость событий. Особенно если можно на халяву поесть и выпить, то какая разница по какому поводу. Посмотрела на наше с Ниной фото, где мы вместе улыбаемся после очередного удачно оконченного дела. Я сижу здесь, а она… а её какой-то ублюдок зарезал и вышвырнул тело за городом. Ее больше нет.

« – Ну и что он тебе пишет? Ты обещала показать.

– Покажу. Я с ним через рабочую систему общаюсь. Там все запаролено. А дома мало ли, кто из моих может влезть.

– Ох ты ж как секретно!

– Он мне такое пишет, Слав…Я когда читаю, колени сжимаю и дышать не могу.

– Ну-ну. Виртуальный секс? Сессии по скайпу?

– Я в реальном никогда так не кончала, как с ним… там.

– Извращенка. Бред какой-то. Ты хоть видела его?

– Нет. Ни разу. Он не хочет, чтоб я его видела. Это одно из правил.

– Понятно. Ничего, увидишь и бежать будешь без оглядки.

– Да мне все равно, как он выглядит, Слав. Все равно, понимаешь?

– Не понимаю, но если тебе хорошо…

– Мне хорошо. Иногда тааак больно, но хорошо».

Джокер…Человек, который был близок к ней почти так же, как и я. Который может что-то знать… что-то, чего не знаю я. Только станет ли он мне рассказывать…а если не мне?

Попробовала войти в рабочую систему Нины и не смогла. Логин знаю, а пароль, который она мне давала раньше, неверный.

Еще одна попытка и еще, и головная боль снова усиливается вместе со злостью и каким-то отчаянием. Она сменила пароль…ничего мне не сказала.

Зашла в рабочий чат с программистом и долго думала, прежде чем написать что-то. Понимание того, что теперь мне ответит не Нина, скручивало все внутри. "Скорая помощь" – так она назвала этот чат, окрестив себя Доктором Ниной Владимировной.

На глазах появились слёзы, когда вместо знакомого имени увидела чуждое – Адам Гордеев. Тот самый новенький, ради которого в коридоре устроили праздник. Ничего. Вот и пусть начинает работать. Прямо сейчас. Хватит там веселиться. Вряд ли он сразу поймет, что я хочу войти не в свой аккаунт. Решительно напечатала в чат:

– Проблемы со входом в CRM.

Сухо и лаконично.

Ровно через минуту в дверь постучали, и она тут же распахнулась. Я повернула голову и с трудом поборола желание попросить его закрыть дверь с другой стороны. Он, что, под кабинетом стоял? Или они там продолжают распивать вино за его первый рабочий день?

Парень вызвал во мне чувство неприязни с первой же секунды. Без причины. Просто потому что занял место Нины и потому что его выбирал мой отец. Такого же идеального, как и он сам. Других у нас не принимают. Одет в светлую рубашку и стальную жилетку, туфли начищены до блеска, аккуратная стрижка и дорогие джинсы. Модно и стильно. Тоже как с обложки. Лицо не то чтобы красивое, но из тех, на которых задерживается взгляд, и оторваться уже не так-то просто. Что ж вы все здесь такие пластмассовые? Ненастоящие. Нарисованные. Комиксы и то более живые, чем все вы здесь вместе взятые! И я такая же ненастоящая, раз принимаю правила вашей игры, от которой тошнит уже.

– Приятного, – бросил взгляд на чашку кофе, на мою руку, нервно отстукивающую пальцами по столешнице, скользнул ниже на вырез черной блузки и на ногу под юбкой. Я по привычке скинула туфли на высокой шпильке и расслабленно упиралась пальцами в ковровое покрытие. Перевел взгляд обратно на чашку с кофе и только потом посмотрел мне в глаза, – кофепития. На сотовом уведомление с чата пришло, как раз мимо проходил. Могу прямо сейчас посмотреть.

Окинул изучающим взглядом темно-карих глаз и зашел в кабинет, лишая того выбора, который давали его слова.

– Пожалуйста. – Пожала плечами раздумывая, как мне наклониться и справиться с застежкой на туфлях. Он и так беззастенчиво пялится на мое декольте, а если я еще и наклонюсь? Поэтому просто обула их, не застегивая. Кивнула на компьютер. – Утверждает, что пароль неверный. Хотя в нем я ошибиться не могла.

Подошел и встал то ли сзади, то ли сбоку и наклонился к столу. Не смотрит на меня. Взялся за мышку. Пальцы длинные и нервные, а запястье очень сильное, и кожаный ремешок часов контрастом на смуглой коже.

– Пароль не меняли, но в систему внесли нескольких новых работников, и она могла обновиться. Иногда после обновления бывают всякие факи. Хотите восстановить ваш логин и пароль или придумаем новые?

Слишком близко. Я терпеть не могла, когда кто-либо незнакомый был настолько близко. Так явно почувствовала его запах, который на удивление

оказался…терпимым…а, если совсем честно, то даже приятным. Ненавязчивый аромат свежести.

Напряглась, когда подался слегка вперед, еще больше сокращая расстояние между нами.

– Придумайте…

– Давайте вместе придумаем. Какое слово вам нравится больше всего? Ну, или никнейм, логин для входа.

Усмехнулся, и затылок обдало жаром, а по коже побежали мурашки. Я откинулась на спинку кресла и едва не уткнулась в его шею. Выразительно посмотрела на него, ожидая, пока отодвинется, но он даже не пошевелился, улыбаясь и глядя прямо в глаза.

– Я думаю, ХАМ. ХАМ подойдет?

– Это логин или пароль?

Развернула кресло и встала, отходя от него подальше, прихватив чашку кофе. Прямо к столу Никиты, стоящему напротив моего. Эта близость смущала, казалась слишком странной. Сделала глоток, присаживаясь на стол и глядя, как занимает моё место с кривой усмешкой на губах. Поднял голову, сверля своими тёмными, почти черными глазами, всем своим видом показывая, что ждет моего ответа.

– Мне кажется, так вполне мог бы называться чей-нибудь никнейм – Хам. Но пусть будет Харли. Логин – Харли. Как и раньше.

Сердце защемило от боли при воспоминании о Нине.

– Харли, значит? Окей. Харли Квин? – не дожидаясь моего ответа, ввел логин, – Вам бы подошло нечто другое, но ведь никнейм иногда намного больше говорит о его носителе, чем имя. Его мы, в отличие от имени, выбираем сами. И насчет первого варианта – я бы внес его в пароль, но общенародная система безопасности никогда не даст возможность ввода трехзначного пароля.

Слишком будет легко войти в вашу, – поднял на меня глаза, скользнул по груди и снова в глаза, – CRM.

Наглая самоуверенная сволочь! Наверное, краска бросилась мне в лицо, потому что он снова дерзко усмехнулся, слегка склонив голову набок.

Сцепила пальцы в замок и закинула ногу на ногу, испытывая желания дать ему как следует по щетинистой журнальной физиономии за эти наглые намеки.

– В таком случае пусть это будем Хам000000. Каждый раз вводя его, буду вспоминать о вас.

– Главное, что так же никогда обо мне и не забудете. Во всем есть свои плюсы и минусы. Кстати, когда вы злитесь, у вас глаза становятся на несколько тонов ярче. И румянец появился.

Он что-то сохранял у меня на ноуте, быстро щелкал пальцами по клавиатуре. Очень четкий мужественный профиль с резко очерченными широкими скулами. И такие неуместные длинные ресницы.

– Готово. Теперь я уверен, что новый логин и пароль навсегда останутся в вашей памяти. Вы обращайтесь, если еще что-нибудь понадобится ввести. – резкий взгляд на меня, и рука с кофе дрогнула, – Кстати, ваш кофе остыл. Не хотите выйти из этого склепа и выпить со мной чашечку настоящего черного, а не эти помои?

Я настолько опешила от его наглости, что спрыгнула со стола и демонстративно отпила из кружки.

– Вы нашли единственную возможность врезаться в мою память.

Подошла к нему, ожидая, пока освободит моё место.

– А на приглашение вынуждена ответить отказом – ненавижу черный кофе.

– Я тоже ненавижу черный кофе, мы можем попить чаю, например.

Он бросил взгляд на фото Нины со мной и снова посмотрел на меня.

– Такой пароль обязательно надо обмыть.

Проследила за его взглядом и поёжилась, невольно ощутив себя предательницей. Только что я мысленно обвиняла всех в том, что так быстро нашли замену Нине, что общались с ним с улыбкой, легко и непринужденно, а теперь сама стояла рядом и всерьез раздумывала о том, чтобы принять его предложение. Тело окатило ледяной волной презрения к самой себе.

– Я думаю, вы достаточно сегодня обмыли всё, что только можно. Я благодарна вам за приглашение, но у меня слишком много работы. До свидания, Адам.

Он продолжал смотреть на меня. Вот так сверху вниз. Не моргая. Очень глубокие у него глаза, цвет и оттенок меняют мгновенно. От светлого, до почти черного.

– А знаете, я ведь вас прекрасно понимаю. Думаете, пришел на чужое место, на место дорогого для вас человека, еще и в душу к вам лезу, верно? Но если бы не я, то пришел бы кто-то другой. Да кто угодно. Это работа, предприятие, которое не может позволить себе траур по сотруднику даже на один день. Человека не уволили, не подсидели – человек умер. А жизнь вокруг продолжается, и кофе пьют по утрам, и чай, и на работу ходят. Даже хамы. Хорошего дня, Мирослава Лазаревна. Обращайтесь, если что.

Дождалась, пока выйдет за дверь и опустилась в своё кресло, уронив голову на руки.

Конечно, он был прав. Нет его вины никакой в том, что произошло. И фирма тоже не должна горевать по умершему сотруднику. Как и все те, кто собирался утром возле кофемашины, приветствуя нового коллегу. По большому счёту, Нина ни с кем, кроме меня, на работе близко не общалась. Это моя личная трагедия, и только мне с ней жить дальше. А жизнь вокруг действительно продолжается, вот только в моей появилась ещё одна огромная трещина.

Подняла голову и посмотрела на экран. В глаза бросился ярлык соцсети. Кликнула два раза и с облегчением увидела, что здесь она даже не вышла из аккаунта.

Последнее сообщение светилось непрочитанным. От Джокера. И аватарка с Хитом Леджером под маской уродливого грима.

Глава 3. Марина Чистова

«В комнате темно, но я был прав

Тлеют на руках твои мечты

Если ты забыла, кто твой враг…

Я тебе напомню – это ТЫ…»

© Дарсн – Комната

Иван Петрович Никифоров поморщился, отмахнувшись от Старкова, предлагавшего выйти из этой вонючей ямы и покурить. Хотя затянуться хотелось до дрожи в пальцах. За все время работы участковым не видел майор такого ужаса – будто здесь, в их Мухосранске снимали голливудский фильм ужасов. Да, он привык к убийствам, но к другим: то сын отца пырнет ножом, не поделивши с ним бутылку самогона, то брат брата до смерти изобьет из-за жены-шлюшки, то какого-нибудь приезжего обчистят до нитки, прирежут и кинут труп в канаву. Случалось всякое за время его службы в органах. И он наивно полагал, что уже ничем его не удивить. Но сегодня… сегодня он впервые почувствовал приступ ужаса. Едва спустившись в этой подвал ощутил, как тело каменеет от страха, и тошнота подступает к горлу.

***

Пасмурное небо нагоняло тоску…Затянутое низкими, громоздкими тучами, оно словно грозилось провалиться на землю, задавив под собой старенькие дома с выцветшей, некогда яркой черепицей.

Марина выдохнула, чертыхнувшись, когда ветер словно в издевку бросил ей в лицо несколько локонов. Капли дождя каким-то сплошным потоком обрушились

на нее.

– Вашу ж мать! – Слёзы бессилия покатились из глаз девушки.

Сейчас она ненавидела абсолютно весь мир. И чертовое небо, и совсем не ко времени разразившийся дождь, и дорогу, никогда не видевшую асфальта, и огромный чемодан, ручка которого сломалась при выходе из автобуса. Рядом не оказалось ни одного мужика, который мог быть помочь – вместе с ней ехали одни старики, да бабы с приставучими сопливыми детьми, которые трещали без умолку.

«Айфон» почти разрядился еще в поезде, и, чтобы сохранить остатки зарядки, Марине пришлось всю дорогу слушать беспорядочную трескотню этих деревенских идиотов и предсмертные потуги жестянки, в которой они все тряслись, как в консервной банке. Ей казалось, что ПАЗик развалится на полпути, но эта куча металлолома таки довезла их до Глухомани, как окрестила про себя девушка родные края покойного отца, и, на прощание выпустив по пассажирам черное вонючее облако, уехала.

В деревню её отправила мать подальше от Марата и от своего нового ухажера. Испугалась, что последний переключится на Маринку. Идиотка старая. Нашла хахаля, который всего на восемь лет старше собственной дочери, и трахалась с ним без зазрения совести в соседней комнате. В то время, как Марина сидела на кровати, вдев наушники, слушала музыку, перекрывавшую их бесстыжие стоны, и смотрела, как трясется изголовье её кровати от толчков. Когда-нибудь Марина вырвется из этой нищеты, из проклятой двушки со стенами тоньше папиросной бумаги, и все же получит то, чего достойна и заслуживает. Не то, что её мать, которая еле сводит концы с концами и боится, что собственная дочь отобьет у нее молодого любовника.

Впрочем, парень тоже полный придурок – открыто при сожительнице пялился на Маринкины ноги в коротких шортах. Девушке даже стало жалко его в какой-то момент, и однажды, пока мать была на работе, Марина решила не убирать его ладонь со своей задницы, а после рухнула перед ним на колени и так ублажила, что тот кричал от наслаждения, вцепившись ей в волосы. И после этого ходил потом за ней, как приклеенный, и зажимал в укромных местах.

Марина вздохнула – размерами Витю Господь явно не обделил. Недаром мать так тряслась в страхе потерять. И зря сама Чистова почти три месяца не подпускала того к себе – столько времени потеряла. Некстати вспомнила, как он, зажав ей рот ладонью, вдалбливался сзади, пока она цеплялась руками за полки в кладовке. Под Ирину Аллегрову, которую обожала мать, накрывавшая им в это время ужин.

Нет, без секса несколько месяцев в этом месте она точно загнется. Надо будет вечером выйти разведать обстановку. Должны же быть в деревне настоящие русские богатыри!

***

– Петрович, харе выделываться. Не малолетка на дискотеке – пошли курнём, – Старков положил руку на плечо Никифорова, – пошли…жутко мне тут, Вань. Давай на воздух. Не могу на неё и стены эти смотреть. У меня дочь такого же возраста.

Петрович выдохнул и, молча кивнув, последовал за товарищем, который вырвавшись из душного подвала вдруг склонился пополам и начал блевать в траву, судорожно хватаясь за стену полуразрушенного здания.

– Ничего, Митяй, это из-за контраста, – хлопнул парня по спине, отходя от него и жадно вдыхая кислород. Самого скручивало и тянуло исторгнуть бутерброд с колбасой, съеденный в обед. Какой конченый больной ублюдок мог такое сделать? Это насколько нужно съехать с катушек, чтобы вот так… с девчонкой беспомощной?

***

Марина поморщилась, остановившись возле покосившегося деревянного забора из кольев. О нормальной жизни придется забыть на ближайшее время точно. До тех пор, пока Марат лютует. Сволочь. Задело его, что Марина по просьбе знакомого толкала дурь в универе. Сама она в жизни не пробовала этого дерьма и другим не советовала – не такая она уж дура, как её считают. Но у них в политехе было много торчков, которые на занятия ходили только, чтобы с дилерами повидаться. И почему тогда Марина должна стоять в стороне и смотреть, как кто-то со стороны деньги «загребает лопатой» которые могла бы

получить она сама? Тем более, что в последние годы руководство сменилось, и достать травку становилось всё сложнее. Вот её и попросили за небольшой процент помочь распространять эту дрянь. Но придурок Марат, с которым она встречалась больше года, был категорически против наркотиков вообще. Орал на нее, называя убийцей. Можно подумать, Марина заставляла тех недоносков покупать у нее марихуану. Она лишь хотела немного подзаработать, отложить на съёмное жилье. Надоело ей эта нищета. Все надоело. И Марат надоел, если не может её обеспечивать. Даже со своими не знакомит – стесняется, не ровня она ему, видите ли. Сунет ей сотню баксов и трахает то в машине, то в гостинице, а будущим светлым с ним и не пахнет. Ничем не пахнет. Только его подарочками-подачками, да потом и одеколоном.

И такая дура она, что поддалась гневу и выпалила Марату, что другого папика себе найдет покруче и побогаче, что никчемный он, только и может на рынке фигней всякой торговать. Вот, например, Ренат давно на неё глаз положил, а у него по всему городу свои обменники и нелегальные казино. Так что уходит она от Марата. Зря сказала. Он как с цепи сорвался – его еле оттащили от нее менты, ворвавшиеся в квартиру после звонка напуганной соседки, мать как раз к бабке на несколько дней вместе с сожителем своим укатила. Свёкр умер, и она видать задумала со свекровью отношения наладить. Марат тогда так избил Марину, что она превратилась в сплошной синяк, сломал нос и три ребра. Она долго восстанавливалась в больнице, а в день выписки одна из медсестер принесла записку от него со словами, чтобы она не обольщалась – начнется второй раунд.

Вот и решили они, на пару с матерью, к бабке Марину отправить, в деревню. Правда, Маринка её никогда раньше не видела – мать ненавидела всю отцовскую родню и до сих пор не позволяла общаться. Говорила, что свекровь со свету сживала её, а потом заявила, что это невестка её сына в гроб загнала.

Хотя иногда Марине казалось, что преувеличивает мать, но желания ехать к деревенским родственникам у неё всё же никогда не возникало. Что ей там ловить? По огородам лазить? Она не для этого рождена.

Как назло, дом бабки оказался старым, покосившимся, даже издалека видно было, насколько сгнили бревна. На самой окраине проклятой глухомани, прямо у лесопосадки. Взглянула на экран смартфона и едва не расплакалась от злости – без интернета она тут с ума сойдет. Надо было в руках себя с Маратом держать, того и гляди, может, и получила б от него побольше. А теперь ни Марата, ни

светлого будущего, и домой возвращаться стрёмно, пока тот не успокоился.

Бабка встретила её у калитки, худая, изможденная в старом платке, из-под которого выбилась прядь седых волос, в выцветшем засаленном халате. Марина ей в глаза посмотрела, и мороз пробежал по коже – колючие глаза, не добрые совсем, и внучке она совершенно не рада, хотя и видела её только на фотографиях. Могла бы радушие изобразить. Типичная старая ведьма, недаром мать её невзлюбила. Смотрит так, словно, Марина противное насекомое.

Правда, картошку и яйца отварила к её приезду, пожарила рыбу, принесла с огорода огурцов и помидоров. Лишних вопросов не задавала – мать по телефону довольно грозно потребовала не вмешиваться ни во что, просто предоставить «ребенку» крышу над головой на время. Родня они или не родня, а то сын её с того света проклянет за то, что дочь его не приютила.

Бабка тогда матери сказала, что они и так прокляты, если такую невестку в свою семью пустили и позволили сына единственного в могилу свести. Но принять внучку все же согласилась.

Пока Марина вяло тыкала в костлявую рыбу вилкой, бабка села рядом, подперев морщинистой рукой подбородок, и девушка вдруг вздрогнула, заметив, насколько яркие у нее голубые глаза, даже у отца таких не было. Мать часто смотрела на Марину и упрекала её в том, насколько она на «ведьму старую» похожа.

– Ты скажи, Мариночка, так на кого ты учишься?

– А на кого сейчас все учатся? – девушка отмахнулась, протянув руку за стаканом с компотом. – На менеджера, как и все.

– А что делают-то эти твои менеджеры? Кем работать-то придется?

– Ой, бабуль, – отпила компот яблочный, цокнув языком, – вкусно очень…Да я надеюсь, что работать мне вовсе не придётся.

– Да, как же так? А учиться-то столько лет зачем? – Старушка всплеснула руками, округлив глаза, казавшиеся необычайно молодыми на испещренном

морщинами лице.

– Надо учиться, бабуль. Да, и не учиться даже, а так…бумажка лишь бы была.

– А жить на что тогда?

– А жизнь мне мою оплачивать будут. Бабуууль…сейчас мужика хорошего найти куда важнее, чем работу.

– Доищешься когда-нибудь, – проворчала себе под нос, снова пристально на Марину посмотрела и вдруг добавила:

– Зря тебя мать сюда отправила. Лучше б ты там в городе своем оставалась.

– Почему? – Марина даже жевать перестала.

– Зло с собой привезла и грязь. По пятам идет за тобой.

– Какое зло?

Бабушка покачала головой, но не стала продолжать: молча начала собирать со стола, пока внучка, откинувшись на спинку старого стула, уже думала о том, что хорошо бы поспать.

– Так ты, поди, прилечь хочешь? Притомилась с дороги? – Засуетилась возле неё, поставив грязные тарелки на стол и вышла из кухни, поманив внучку за собой.

***

Никифоров мог поклясться, что в том каменном мешке никакого кислорода не было – только вонь из крови, пота, мочи и страха, самого настоящего животного страха. И плевать он хотел на любые законы физики, химии и биологии. В такие моменты слово «закон» вообще казалось ему кощунственным. Каким-то издевательством, придуманным для слабых и наивных. Не должен полицейский так относиться, конечно…но, когда видишь такое…Не сразу удалось прикурить, трясущие руки отказывались слушаться. Рядом уже затягивался сигаретой Старков, бледный до синевы.

Иван Петрович непроизвольно закрыл глаза и тут же вздрогнул, словно снова очутился в подвале и снова видит эти надписи на стенах и на полу.

«Я лживая сука»… «Я лживая сука»… «Я лживая сука».

***

После того, как гостья отдохнула, бабка решила развлечь её и достала потрепанный альбом с пожелтевшими фотографиями, и Марина застонала, не скрывая скуку. Только этого не хватало – смотреть на лица покойников, которых она и при жизни-то не знала.

Ночью Марина сбежала из дома в местный клуб, там должно быть какое-то движение: выходные как-никак, а то с этой ведьмой подохнуть от скуки можно. По всему дому свечей понаставила и бормочет что-то у образов, молится. Зло своё, видать, отгоняет.

Лучше бы она дома осталась… Вот здесь и пошло все не так. В проклятом сельском клубе. Марина плохо помнила, что было дальше. Смутными отрывками, как к ней подошли познакомиться ребята примерно её возраста, предложили пивка, и Маринка согласилась, плевалась потом с дешевого пойла, но пила и смеялась насильно, понимая, что тут вряд ли можно купить что-то нормальное.

Ну, и к черту все. Она хотела напиться до беспамятства, забыть хотя бы на ночь, что ей придется жить в этом болоте не один месяц с чокнутой бабкой, бормочущей о зле и о проклятиях. Деревенские её не впечатлили. Скучные, отсталые и неотёсанные. Не богатыри, а так – отребье.

А потом она увидела ЕГО, не похожего на этих отстойных, тупых идиотов. Одет иначе. Держится в стороне. На неё все время смотрит. Сама к нему подошла. Танцевала с ним, и голова кругом. Не понимала от чего: то ли от коктейлей, которыми парень ее щедро угощал, то ли от губ его чувственных, растянутых в улыбку искусителя. Она не могла определить даже цвета его глаза– парень был в бейсболке и в капюшоне. И она плохо могла различить черты его лица – спасибо пиву и коктейлям. Он не лез к ней, не лапал, только смотрел на нее так, как никто и никогда раньше. Она пила из горла бутылки какой-то алкогольный напиток, который он где-то достал для неё. Все тело превратилось в невесомое

облако счастья и кайфа, и Марине хотелось секса и танцевать…танцевать и секса. Вот с ним. С этим парнем со странной улыбкой, и когда позвал с ним уйти – она пошла, не задумываясь.

Дальше полный провал. Она очнулась уже в подвале под эту проклятую музыку и пение. В голове дикая тяжесть. Больной урод намешал ей какой-то дряни там в клубе.

Он подпевал, и голос ублюдка был глубоким, с нотками стальной ненависти, замораживавшими кровь в жилах. О, Господи, почему он с ней так? Ведь Марина его не знает! Она ничего плохого ему не сделала. Да, и никому в своей жизни, кроме Марата. Но это не он. Марина была уверена, что татарин тут ни при чем. Он, конечно, ревнивый псих, но был у него свой какой-то кодекс чести. Не стал бы никого подключать – скорее, сам бы измывался над ней, но не позволил никому прикоснуться к своей бывшей. Любил её, боготворил просто. Сейчас она явно понимала это. Шмотки дарил, за которые подруги вкалывали круглосуточно на работе после универа. Марину даже раз свозил на море. Только с ним она и увидела, что мир куда шире их городка.

Нет, определенно Марат не имел отношения к тому кошмару, в котором она очнулась. Кто-то другой медленно и с особым удовольствием погружал её в него всё глубже и глубже.

Этот ад начался для нее с музыки и с его голоса. Очнулась резко и сразу поняла, что не может двигаться. Как в самых страшных триллерах: кто-то привязал её, видимо, к стулу, хотя она не была уверена, так как её окружала полная тьма. И на горле удавка. Только пошевелится, и сразу дышать нечем. Потом она поняла, что глаза у неё завязаны, а в первый момент закричала от страха, решив, что ослепла.

А затем…он перестал петь, и она услышала его спокойный, почти бархатный голос, от которого подкосились бы колени…если бы она могла чувствовать их.

– Ты всегда была слишком громкой, Марина. Веди себя потише.

Это были первые слова, которые она от него услышала, но мурашки по телу от них появлялись даже сейчас при воспоминании. Тогда в клубе. Вот что было странным – он не сказал ей ни слова. Только когда она громко смеялась, пока он

вел ее в сторону леса, закрыл ей рот ладонью, и она услышала его шепот «тсссс, не шуми». Теперь-то она знала, что это была угроза, но тогда не смогла понять этого. Выпивка в огромных количествах окончательно отключила ей мозги.

Еще сбивало с толку ощущение, что она его знает. Он достаточно ясно дал ей это понять. Она кричала, задавала вопросы, но больной ублюдок больше ничего не произнес. Он, похоже, просто молча слушал, хотя девушка не могла быть уверена – музыка мешала понять, что делает этот псих.

– Скажи «я лживая сука»!

И она говорила. Она бы сказала, что угодно, если бы он приказал. Лишь бы не мучил. Лишь бы выбраться отсюда живой. Она орала эти слова, она рыдала их, пытаясь угодить своему мучителю.

***

Неровные буквы, наверняка выведенные кровью девушки, чей труп «сидел» на полу, прислонившись к стене. На подоле замызганного платья лежал её собственный язык. Она смотрела на Петровича застывшим взглядом, и её зашитый окровавленный рот, словно зловеще улыбался красными шерстяными нитками, заставляя участкового покрываться каплями холодного пота и с ужасом понимать, что между словами на стене и этими увечьями есть связь. А значит, был мотив.

***

Марина долго думала о том, как всё это с ней случилось. Перебирала события того дня минута за минутой, размышляя, чем и кого могла спровоцировать на этот кошмар без конца и края, на этот затяжной персональный ад, и не могла понять. Её голова была слишком тяжелой от этих мыслей и от боли, сковавшей всё тело, от унижения, которое разрывало изнутри волнами панического ужаса и жалости к себе. Связанные руки давно затекли, и теперь девушке казалось, что она вообще не чувствует кисти и пальцы. И еще эта музыка, которая не прекращалась ни на минуту. Вбивалась в поры кожи надоедливыми зловещими аккордами. Монотонно, как капли воды, била по мозгам и по натянутым нервам. От неё закладывало уши, и, хотя она была очень тихой, в висках стучало болью на каждом припеве.

«В комнате темно, но я был прав

Тлеют на руках твои мечты

Если ты забыла, кто твой враг…

Я тебе напомню – это ТЫ…».

© Дарсн – Комната

Сейчас Марина даже не знала, чего хочет больше – чтобы развязали веревки, стягивающие запястья до боли в костях, или выключили проклятый проигрыватель, который стал изощренной адской пыткой и выматывал нервы. Вытягивал по одному и разрывал этой нескончаемой монотонностью, от которой девушка уже сходила с ума.

Она бы раздробила его на части, доползла до него и разгрызла зубами, если бы не короткая веревка, перекинутая через ржавую батарею под низким потолком и завязанная у несчастной на горле, как петля виселицы, затягивающаяся каждый раз, когда Марина пыталась пошевелиться. Бывали моменты, когда она все же рвалась к проигрывателю и хрипела, задыхаясь, захлебываясь слезами от бессилия.

Она ненавидела его так же люто, как и того, кто швырнул её сюда, в этот вонючий подвал, где воняло плесенью, сыростью, её собственной мочой и чем-то еще. Она не могла определить, чем именно, но этот запах заставлял её леденеть от ужаса. Наверное, так воняет сама смерть. Она витает здесь между стенами. Марина её чувствовала кожей. Слышала в скрипе половиц где-то неподалеку, в завывании ветра по ту сторону двери. Она там. Ждет, когда ОН придет и отдаст ей растерзанную жертву. Страшнее всего не сама смерть, а её ожидание. И девушка прислушивалась к каждому шороху.

А потом…Потом она поняла, что даже когда Марат избивал её, и она валялась у его ног и боялась, что забьет до смерти – то не испытывала и толики того страха, который сковал её, когда ЭТОТ психопат вдруг подошел и оттянул ее голову назад, надавил на щёки, заставляя открыть рот. Марина даже в какой-то момент обрадовалась, перестала сопротивляться – решила, что он хочет просто

использовать её. Мало ли какие извращенцы обитали в этой глуши. Но вместо твердого горячего члена в её рот проникли сильные пальцы и рванули на себя язык. Марина затрепыхалась… и закричала от резкой боли, вспоровшей всё тело и беспощадно вывернувшей все внутренности наружу. Она захлебывалась собственной горячей кровью, которая обжигала рот. Девушка пыталась выплюнуть её, но у нее не получалось. И отчаяние резкой волной обрушилось на сознание, кромсая его на куски…Иногда ей всё же удавалось ненадолго отключиться, провалиться в тревожный сон, наполненный кошмарами… А иногда она лихорадочно вспоминала каждое мгновение до того момента, как оказалась в этом аду. Несчастная почему-то надеялась, что если вспомнит, то это спасет её, даст шанс остаться в живых. Ведь у нее осталось не так много времени до следующей встречи с НИМ. ОН пообещал, что эта будет последней.

И, наверное, сейчас уже она слишком сильно ждала и боялась ЕГО прихода, потому что, когда повернулся ключ в замке, девушка вздрогнула и, вдруг вспомнив о том, что должна подпевать, активно замычала, чувствуя, как снова покатились слёзы ужаса из глаз. Начала быстро моргать, чтобы наконец увидеть своего мучителя, и уже через секунду беззвучно заорала, пока он холодно улыбался одними губами её беспомощному безмолвию. Она его узнала.

В комнате темно, но я был прав…

Стежок – и от боли темнеет перед глазами.

Тлеют на руках твои мечты

Еще стежок – и она мычит, глядя на своего мучителя сквозь пелену бесполезных слез.

Если ты забыла, кто твой враг…

Вспомнила. Так отчетливо, так ярко. И поняла, что никто её не пощадит. Это конец.

Я тебе напомню – это ТЫ…

***

Пока Старков звонил в районное управление для вызова судмедэксперта, Иван Петрович осторожно исследовал убитую. Умерла не от кровопотери однозначно. Потому что её руки были аккуратно забинтованы, писала она явно кровью из вен. Похоже, садист, отрезавший ей язык, предпринял меры, чтобы у нее оставалось достаточно сил на это… «творчество», а потом, после того, как на живую зашил ей рот, попросту воткнул нож точно в сердце.

И у Никифорова появилось мерзкое ощущение, что это какой-то чудовищный акт возмездия, а еще и паршивое предчувствие, что они вряд ли найдут того, кто это сделал.

Глава 4. Мирослава

«И я все время сижу и спрашиваю:

Почему я осмелилась, ох?

И все время, когда я вспоминаю,

Мне становится стыдно, о да.

Ты не можешь доверять хладнокровному любовнику,

Ты не можешь доверять хладнокровному рабу,

Ты не можешь доверять хладнокровным.

В конце они просто сведут тебя с ума».

© «Pretty Reckless» – «Cold blooded”

Чужая жизнь – это книга. Только не та, которую можно прочесть, листая страницы наслюнявленным пальцем и смакуя каждый эпизод, а бесконечная вереница листов. Они не обязательно исписаны текстом. Иногда они могут быть

совершенно пустыми или набитыми бесполезной ерундой, составляющей нашу повседневность, или же могут быть наполнены тайнами и интригами. По крайней мере, я всегда так считала раньше. До того момента, пока не поняла, что чужая жизнь – это даже не книга, а лабиринт. Страшный, запутанный, витиеватый лабиринт, где заблудиться может каждый, даже если думает, что знает его, как свои пять пальцев. Только Нина никогда не была для меня лабиринтом, она – та самая открытая книга, которую мне было позволено читать вдоль и поперек, и которую, казалось, я знаю почти наизусть, даже лучше, чем она сама. Книга, которая всегда доступна мне и понятна. В ярко-розовой обложке, со страницами, исписанными каллиграфическим почерком, сюжетами комиксов, шутками и стихами. Я так думала. Только ни черта я о ней не знала. И не узнала бы никогда, если бы не вскрыла её аккаунт. Не из любопытства. Нет. Меня подкосила её смерть. Подкосила так сильно, что мне казалось, я умерла вместе с ней. Полиция тщетно искала ублюдка, который ее убил, а я все время думала о том, что ничего не понимаю. Кто угодно мог быть неосмотрительным, но не Нина. Точнее, она была слишком домашней, слишком застенчивой, чтобы уехать с кем-то в машине. С кем-то, кого она не знала. Но оказалось, что это я НИЧЕГО о ней не знала.

И теперь погружалась в ее жизнь день за днем, понимая, что я в том самом лабиринте, который так хорошо мне знаком, и в то же время он менялся каждую секунду, чтобы запутать меня еще больше, чтобы заставить идти дальше и глубже. Темные стороны чьей-то души без прикрас. Те самые, которые мы раскрываем только наедине с собой или не раскрываем вовсе. Я даже не подозревала, что у моей лучшей подруги есть эти темные стороны.

Я не хотела… Честно не хотела рыться в ее личном. Не так глубоко, не так бессовестно, и не могла остановиться, потому что попалась. Потому что, как оказалось, я не знала многого не только о ней, но и о себе самой.

Мои отношения с мужчинами были очень сложными, если это вообще можно так назвать. Я вообще не знала, что такое оргазм. Только из книжек, статей и фильмов. У меня лично с этим не заладилось с самого начала. Я доходила до какой-то определенной точки возбуждения, и оно тут же перегорало, оставляя чувство разочарования и осознание собственной неполноценности. Первый мой любовник назвал меня бесчувственным бревном и свалил посреди ночи, лихорадочно натягивая штаны на ослабевшую эрекцию, а я проревела до самого утра. Разве я могла сказать ему, что пока он усердно лапал меня и растирал между ног, я слышала нарастающий треск огня. Каждый раз, как только

расслаблялась, начинало вонять гарью, а стены комнаты покрывались копотью. Потому что в тишине меня всегда поджидал персональный кошмар, от которого я так и не избавилась.

Умные статьи, беседы с психологом, мастурбация в ванной, как метод найти, что именно нравится мне – и ничего, даже отдаленно похожего на наслаждение. Потом я привыкла, научилась играть удовольствие, если хотелось секса или не хотелось обижать очередного партнера, с которым я искала то, что так воспевали буквально на каждом углу. Только желание ослабевало с каждым годом. Я теряла интерес к самому процессу, а иногда даже боялась его, потому что, как только закрывала глаза – начинала слышать потрескивание огня.

Кроме Нины, никто об этом не знал.

И сейчас… пока я читала ее переписку с Джокером, со мной что-то происходило…Запретный мир утонченных развлечений, где стираются границы дозволенного. Тематические группы, картинки, видео. Её аккаунт был ими завален. Никогда не догадывалась, что ей может такое нравиться, но ей нравилось. Ей не просто нравилось, а она жила этим и уже долгое время. Задолго до Джокера.

Я не знаю, как он это понял…но он понял. Прочувствовал её, наверное. А я, пока читала, прочувствовала себя. Буквально с первого слова. Его первого слова. Тот, кто считает, что любовь начинается с первого взгляда, ошибается. Она начинается со слов. Она зарождается в интонациях. Как бы ни любовались глаза, но сказанное может перечеркнуть любой момент очарования и притяжения… а словами… словами можно строить империи, ломать их, сводить с ума, убивать и… любить. Словами можно грязно трахать и нежно прикасаться. Они даже имеют свои оттенки.

Я вспоминала, как смеялась над ней, над её новым увлечением, как отпускала колкие шуточки и вертела пальцем у виска… Просто я тогда не знала ЕГО. Я вообще ничего в этой жизни не знала. Жила в своем узком мирке из страхов и стереотипов.

Сама не заметила, как при каждом удобном случае открываю её переписку с ним, и весь окружающий мир исчезает вокруг. Нет, он не писал ей стихи, он не был романтиком. Всё намного хуже и сложнее – он просто совращал и соблазнял,

тонко играл с каждой гранью ее сознания… и постепенно мне начало казаться, что там, на ее месте, я сама. Это меня заставляют краснеть и ерзать на стуле, это мне пишут непристойности и это мной управляют, как марионеткой, умело играя на моих слабостях и страхах.

Вначале мне было весело, как и Нине. Она заигрывала с ним, флиртовала, кокетничала, она играючи выполняла его задания, а он затягивал её в какой-то непередаваемый виртуальный мир, где она могла быть кем угодно, и он умело манипулировал ею.

Вам когда-нибудь дарили мечту? Именно мечту? Ту самую, которую не купить за деньги, не достигнуть какими-то усилиями, не достать руками? А он ей дарил. Он вымащивал для неё неповторимый мир, где она могла все, где она была всем и никем одновременно. Его никем. Его игрушкой. Я не видела раньше ничего подобного, не подозревала, что так может быть…что человек по ту сторону монитора может заставить испытывать эмоции, а он заставлял, и я ловила себя на том, что погружаюсь в эту игру наравне с Ниной, которая увязла в нем настолько, что через время я поняла – это уже давно не просто переписка. Она утонула и не хотела выплывать на поверхность, и в какой-то мере я тоже вместе с ней. Только если её он раскрывал с каждым днем все больше и больше, то сам не раскрылся совершенно. Джокер её подавлял, полностью отбирая контроль и втягивая туда, где, казалось, нежной и милой Нине не было места вовсе. Нежной и милой? Черта с два! Он вытащил наружу все ее пороки, все ее грязные мысли желания, каждую сторону ее тьмы и взращивал их, как любимого ребенка, иногда наказывая, а иногда поощряя.

«Ну ты же плохая девочка? Не разочаровывай меня! Ты же хотела это сделать. Хотела, я знаю. И ты сделала. Тебе понравилось чувствовать свою власть над кем-то?

– Понравилось – не то слово. Я была кем-то другим. Я была той самой маской, которую на себя надела.

– Нет, Харли, ты была сама собой. В маске ты сделала то, что не отважилась бы сделать без нее, но это и была ты. Настоящая.

– А ты? Ты настоящий? В этой маске.

– Я настоящий всегда. Потому что я всегда в маске. Я могу позволить себе такую роскошь – не снимать её».

Самым ужасным моментом для меня в этом во всем оказалось то, что через какое-то время перестает иметь значение, кто же там на самом деле. Человек для вас плотно срастается с тем образом, который нарисовал. С его аватаркой, с его статусами и высказываниями о жизни.

Я помнила, что Нина мне говорила об отношениях с ним, помнила этот лихорадочный блеск в глазах и бесконтрольное восхищение. Но я даже представить не могла, что именно он с ней делал, пока не дошла до их первого секса, к которому он вел её не один месяц и который поверг меня в состояние шока.

Он ее имел в полном смысле этого слова, он так ее имел, что я не верила, что такое может быть на самом деле. И я впервые возбудилась сама. Эмоционально буквально наэлектризовалась.

Помню, как закрыла тогда страничку с перепиской и пошла на кухню выпить ледяной воды, чтобы остыть. Я решила, что больше не хочу лезть в её личное. Не имею право так бесцеремонно. Но уже вечером я снова была там… в их собственном мире и жадно читала каждую строчку, чувствуя, как учащается собственное дыхание, как тянет низ живота каждый раз, когда Джокер вовлекал Нину в очередной раунд дикого сумасшествия.

Это повторялось снова и снова, все сильнее, я читала ее ответы, сбивчивые с ошибками, пропущенными буквами и понимала, что подглядываю в замочную скважину за женщиной, которую связывают, ставят на колени, поливают воском и стегают плетью, а она умоляет своего мучителя не останавливаться. Она шлет ему откровенные фото и видео, она выполняет его приказы беспрекословно. Было в этом что-то больное, одержимое и темное. Отталкивало и влекло одновременно. И я с содроганием понимала, что хочу быть ею… Хочу надеть такую же маску и попробовать быть настоящей.

Джокер втягивал её в мир порочных фантазий все глубже и глубже, а я читала и понимала, что сама сжимаю колени от возбуждения, когда он вдруг посреди переписки говорил ей, что хотел бы прямо сейчас поставить её на колени и отыметь в рот. Так просто, как если бы уже сделал это. Теперь я вспоминала, как

она вдруг исчезала посреди рабочего дня, как подолгу не выходила из уборной, а потом ссылалась на несварение желудка. Было время, что я даже подозревала её в употреблении наркотиков. И в какой-то мере была права – у нее появился свой наркотик, и она передала его мне. По наследству.

Они сближались, как сближаются люди в реальной жизни. Уже не ограничивались соцсетью, перешли на общение через мессенджеры.

Может быть, я бы и прекратила читать, если бы не наткнулась на одну из записей, которая шла следом после обычного разговора, в котором они попрощались около четырех часов утра.

«– Джокер! Пожалуйста! Почему ты не выходишь? Не отвечаешь на сообщения? Ты наказываешь меня? Я сделаю все, что ты просил. Все. Ответь мне, пожалуйста. Я с ума уже схожу! Меня ломает без тебя!».

И дата – «22» марта. Я слишком хорошо помнила этот день. У нас был корпоратив, и Нина не пришла, сказала, что заболела. Я тогда ездила к ней, и она реально выглядела больной. Настолько больной, что я купила ей сладостей и хотела остаться, но она попросила меня ехать к друзьям. Сказала, что ей уже лучше и она ляжет спать.

«Пожалуйста. Я все сделала! Все! Почему ты на меня злишься?!

– Я не злюсь. Молодец, девочка. И да, я наказывал тебя. Ты ведь знаешь правила игры!

– Я думала, что мы уже не играем! Я думала, это нечто большее для тебя, чем игра!

– Ты напрасно так думала, Харли.

– Я не Харли! И ты прекрасно знаешь мое имя!

– Знаю. Но мне нравится именно Харли, и я буду называть тебя так, как нравится мне!

– А я? Я ничего не знаю о тебе. Ты просто уходишь и появляешься, когда тебе вздумается… ты играешься мной!

– И тебе нравится эта игра, Харли. А сейчас я не хочу читать истерики. Я хочу, чтобы ты пошла в ванную с телефоном, включила режим съемки, сняла с себя трусики, засунула их в рот, встала на четвереньки и оттрахала себя, а потом прислала мне видео. Все. Я жду. А потом поговорим.

– И ты не поведешь меня?

– Нет. Ты наказана за истерику.

– Почему ты так со мной?

– Потому что либо так, либо никак. Выбирай. Я всегда даю тебе право выбора».

Потом все возвращалось к их обычным отношениям, пока снова не попадались на глаза прорывы, словно что-то здесь было удалено или стерто, а потом её просьбы и мольбы не бросать её, выйти снова, хотя бы ненадолго. Она унижалась и умоляла, а он в ответ оставался холодным и безэмоциональным. Притом всегда. На протяжении всего их общения меня не покидало чувство, что он делает все по какому-то сценарию. Я не ощущала, чтобы его самого это заводило, пронимало, чтобы он переживал о ней или беспокоился. Но ведь он продолжал отношения, а значит, все же ему нравилось.

Последнее сообщение было только от нее. Она просила его о встрече. Умоляла увидеть хотя бы раз. На это сообщение он ей либо не ответил… либо она удалила дальнейшую переписку.

Мне начало казаться, что где-то я что-то упустила. Возможно, даже с самого начала. Что-то очень важное. Что-то связанное с ее смертью.

Я вернулась к самым первым сообщениям.

Harley Quinn 00:48:12

– Это такая шутка? Что это означает?

Joker 00:50:43

– Это означает, что я сделал домашнее задание и исполняю твои желания.

Harley Quinn 00:51:02

– Почему именно так?

Joker 00:52:23

– Потому что тебе это нравится. Разве ты не этого хотела?

Harley Quinn 00:54:12

– Не мало ли времени для такой обширной работы? Или ты меня знаешь?

Harley Quinn 00:55:08

– А вот это не имеет значения. Может, знаю, а может, и нет.

Harley Quinn 00:56:56

– В таком случае это не честно, если ты знаешь, кто я, а я совершенно не знаю, кто ты.

Joker 00:57:21

– А кто сказал, что я играю честно? Я – это Я. Ты же видишь, кто я.

Harley Quinn 00:58:34

– Это смешно!

Joker 00:59:50

– Ты хотела исполнени желаний. Я уже выполняю твое условие, тогда как ты пока что нарушаешь мои.

Harley Quinn 01:03:27

– Ты их не озвучил!

Joker 01:05:19

– Итак, правило второе – ты не будешь мне лгать! Потому что я все равно узнаю, что ты мне лжешь!

Harley Quinn 01:06:58

– Ты сказал, что игра может быть нечестной.

Joker 01:08:11

– Читаем первое правило – все правила только МОИ. И ты не будешь мне лгать никогда.

Harley Quinn 01:09:41

– И что будет, если я солгу? (смеющийся смайл)

Joker 01:10:32

– Видишь мое имя? А как бы ОН отнесся ко лжи?

Harley Quinn 01:13:13

– .....

Joker 01:14:29

– Ответ тебя не устроил?

Harley Quinn 01:15:06

– Скорее, озадачил. Мы же играем, и ты – это не он.

Joker 01:17:18

– Почему ты так в этом уверена? Здесь, в этом чате, я тот, кем ты хотела, чтобы я был.

Harley Quinn 01:19:22

– Я не уверена, что смогу в это играть.

Joker 01:20:41

– Неважно, в чем ты уверена, важно то, чего ты хочешь, а ты хотела меня. Разве нет? Отвечай! Хотела? Скажи: "Да! Я хотела тебя, Джокер"!

Harley Quinn 01:22:03

– Да. Я хотела тебя.

Joker 01:23:14

– У меня есть имя. Называй меня по имени.

Harley Quinn 01:25:07

– Оно не настоящее. Это никнейм!

Joker 01:26:00

– Для тебя оно настоящее. И это третье правило! Еще один шанс. Единственный. Ты можешь отказаться играть. Прямо сейчас. Просто выйди из аккаунта.

Harley Quinn 01:45:09

– Я хотела тебя, Джокер…И я хочу играть.

Joker 01:47:10

– Правильный выбор.

Я несколько минут смотрела на чужую переписку…потом на фотографию Нины в черной рамке, стоящую на письменном столе. Она в белом платье с выпускного. Такая юная, красивая с вьющимися локонами длинных пшеничных волос, с радостной улыбкой и с ямочками на щеках. Я хорошо помнила её такой, даже несмотря на то, что с тех пор прошло много времени, ведь я сама укладывала ей волосы тогда. А потом перед глазами мрачными, серыми картинками – она же в гробу, прикрытая белой простыней до самого лица. Только уже мертвая.

И в этот момент пришло сообщение.

«Ты здесь, крошка? Вижу тебя онлайн. Пропустила наше время. А я не люблю, когда опаздывают».

Я повернулась к ноутбуку. Наверное, это было слишком неожиданно. И вначале я испугалась, что меня поймали с поличным в чужом акке… а потом поняла – Джокер не знает, что Нина умерла. Он пишет именно ей. А значит, либо я отвечу…либо выйду прямо сейчас.

Сама не поняла, как рука потянулась к клавиатуре, и я написала:

– Привет, Джокер. Прости, что опоздала. Мы сегодня играем?

– Мы всегда играем, девочка. Даже когда мы оба не онлайн. Не забывай об этом.

– Я не забыла.

– Я бы в любом случае напомнил тебе, Харли. Тебе же нравится вспоминать со мной?

Мне казалось, я проколюсь в любую секунду. Скажу что-то не то. Я еще никогда в своей жизни так не нервничала. И я еще никогда в своей жизни не позволяла себе ничего подобного. Даже в ушах засвистело от адреналина.

– Да. Мне нравится вспоминать с тобой.

– Скучала по мне, Харли?

Черт. А как бы ответила она? Хотя, я уже прекрасно знала, как бы ответила Нина. Нина, которая жалко умоляла его выйти к ней хотя бы на полчаса.

– Да. Конечно, скучала по тебе.

– Тогда покажи, КАК ты соскучилась.

Нужно потянуть время. Я совсем не готова, чтоб меня вовлекли в какую-то сексуальную игру.

– Как показать? Что именно ты хочешь увидеть?

– Хочу увидеть прямо здесь. Покажи мне буквами, как ты скучала по мне. Как часто вспоминала и что делала в это время…своими руками. Покажи мне, Харли, и тогда я поверю

Чееерт. Уффф. Ничего себе. Недаром говорят, не лезь в воду, не зная броду.

Но ведь они долго не общались. Вполне логично, что он ей так пишет. Ладно. Я попробую. Максимум, что мне мешает отсюда выйти? Ложь, Мира. Мешает. Ты вся дрожишь от каждого написанного им слова.

Не дрожу! Я хочу понять, что случилось с Ниной! И всё!

– Я ужасно сильно скучала по тебе. Вспоминала каждый день…И ласкала себя, думая о тебе.

О БОЖЕ! Как я это отправлю? Так. Зажмурившись – отправить. Она бы написала именно этими словами. А я сейчас Харли. На мне маска.

– Не верю, крошка. Слишком сухо…В твоих трусиках так же сухо, когда ты думаешь о обо мне?

Вот так просто? Как спросить, чистила ли я сегодня зубы. Как у людей, которые не один день живут вместе.

– Нет, там мокро. Очень мокро. Когда я думаю о тебе.

– А сейчас ты обо мне думаешь?

– Да. Я же с тобой.

– Я хочу, чтобы ты коснулась себя между ног. Так, как это сделал бы я.

Стало жарко. Я потянулась к окну и распахнула его настежь.

– Притрагиваюсь… там очень мокро, горячо.

– Где там, Харли?

Ох ты ж….

– Под трусиками.

– А какой рукой ты себя трогаешь?

– Левой…правой я пишу тебе.

– Ц-ц-ц, крошка. Ты будешь жестоко наказана за обман. Ты нарушила мое правило, Харли.

Чееерт. Вот черт. Возникло желание выйти из чата. Немедленно. Но тогда я ничего и никогда не узнаю. Откуда он знает, что я лгу? Откуда он это, черт его раздери, знает?

– Почему ты думаешь, что я лгу тебе?

– Потому что ты лжешь, Харли. Я знаю это, и всё. Остальное не имеет значения.

– Но это не ложь.

– Ты снова обманываешь меня. Я сам тебе напишу. Если вдруг мне станет настолько скучно.

– Подожди. Подожди. Я сделаю это. Хорошо. Я это сделаю.

– Теперь этого не хочу я. Я чувствую вонь твоего обмана, крошка. Ложь воняет падалью, и я уже говорил тебе об этом не раз.

Говорил. Он патологически ненавидел даже намек на неискренность. Что ж, возможно, это шанс уйти сейчас без малейших потерь. Только уходить не хотелось. Маска слишком мне понравилась, и вместе с чувством жгучего стыда пульсировал дикий адреналин и ощущение той самой свободы, которой у меня никогда не было.

– Прости меня, Джокер. Я больше не солгу тебе. Никогда.

– Тебе повезло, что мне лень сейчас искать другую игрушку, Харли. А еще я хочу наказать твой маленький лживый ротик. Коснись пальцами своих губ. Они сухие, крошка? Увлажни пальчик и проведи по губам еще раз. Как если бы я пробовал их вкус своим языком. Мне бы понравилось, Харли?

Я провела пальцем по губам. Облизала его, глядя на монитор. Не помню, чтоб вообще делала нечто подобное. Но меня же никто не видит…Почему нет? Мира никогда бы не смогла? А Харли? Харли это делала не один раз…

– Тебе бы понравилось. Я уверена, что тебе бы понравилось.

– Прикуси нижнюю губу.

– Прикусила.

– Я очень зол, Харли, за твой обман. Я хочу укусить тебя сильнее. Немедленно. Тебе больно, крошка? А так? Когда моя рука спускается по твоей шее вниз к груди? Никакой ласки – только сильно сжимать, продолжая кусать твой рот. Мне нравится чувствовать твою упругую грудь…Твои соски…они возбудились?

Я прикусила губу сильнее и невольно скользнула ниже к груди, следуя за его словами. Все равно это все бесполезно. Ничего не выйдет ни у самой с собой, ни с кем-либо еще. Так почему не сыграть в эту игру? В которой в очередной раз придется убедиться, что я холодное бревно. Не женщина. Я разозлилась… это была внезапная вспышка разочарования в себе. Даже с чертовой маской ничего не выйдет.

– Нет…пока нет.

Он хотел, чтоб я ему не лгала. Вот она правда.

– Ущипни сосок. Сильно. Так, как это сделала бы грубая мужская рука. Спусти чашку бюстгальтера и ущипни. Проведи по нему большим пальцем, и начни перекатывать между подушечками. Харлииии…я бы хотел сам проверить, какая ты на ощупь. Пальцами в рот, крошка, и вниз. Раздвинь ноги и скользни рукой между ними. Продолжая дразнить свою грудь. Надави ладонью на горячую плоть… Меня бесит долбаная тряпка, скрывающая ее. Отодвинь в сторону трусики и коснись себя. Давай, по нежным складкам пальцами.

Автоматически сжала сильно сосок и охнула. Это было неожиданно. Тело прострелило вспышкой удовольствия. Раньше я всегда прикасалась к себе кончиками пальцев. Как, впрочем, и мои бывшие любовники.

Скользнула пальцами другой руки в рот, не переставая сильно сжимать сосок, вниз по животу и под шелк трусиков. Еще сильнее – и под пальцами стало слегка влажно. Расширенными глазами смотрю на монитор.

– Прикасаюсь….

Я, кажется, сказала это вслух.

– Этого мало. Просто прикасаться. Сожми себя пальцами. Как бы я сжал тебя губами. Представила? Представила, как бы я вылизывал твое возбуждение? Вверх-вниз языком по твоей плоти, осторожно прикусывая кожу. Цепляя языком клитор. Он уже пульсирует под моими губами. Откинься назад, пока я отстраняюсь, снова кусая твои губы и проникая в тебя пальцами…Сразу двумя. Распахни ноги шире, Харли, я хочу отыметь тебя именно так. Тебе нравится, крошка?

Я никогда не думала, что это может быть вот так. Мне никогда, и никто не говорил ничего подобного. Это все равно, что слышать, как кто-то шепчет тебе в ухо непристойности. Подхлестывает хриплым голосом. Ведет четко и умело… и при этом знает, какой результат получит… и ты доверяешься этим знаниям. Ведь от тебя уже ничего не зависит.

Провела по влажной плоти пальцами и тихо застонала…Взгляд сам блуждает по строчкам. А пальцы вторят каждому слову. Сжала клитор, и по телу прошла дрожь. Незнакомая. Нового уровня. Неизведанная ранее ни с кем. Откинулась на спинку кресла. Нет, я не представляла его губы… но меня возбуждали его слова и эта раскрепощенность. Когда никто не видит. Когда не видит даже сам Джокер. И в то же время он со мной. Кто-то неизвестный, заставляющий делать все эти грязные вещи. Две маски. Им можно то, что нельзя обычным людям при свете дня.

– Дааа… нравится.

По телу проходят волны удовольствия. Одна за одной. По нарастающей, как прилив чего-то мощного и неизведанного. Но это ведь еще ничего не значит. Все может исчезнуть мгновенно. Как и раньше… с другими.

– А теперь трахни себя, Харли. Пальцами. Грубо и жёстко. Не жалея. Так, как оттрахал бы тебя я, склонившись к твоему лицу и жадно забирая твое дыхание.

Я перечитывала снова и снова… потому что удовольствие не исчезало… Оно становилось неуправляемым с каждым его словом. Вот с этим наглым "трахни себя"… слишком откровенно. Слышу собственное учащенное дыхание, погружая в себя пальцы и сильнее сжимая сосок, повторяя снова и снова.

"Трахни себя"…меня заклинило на этом слове. И я делаю это… я делаю это яростно и быстро, потому что впервые ОНО не уходит. НИКУДА. Оно во мне, и с каждым толчком я понимаю, что уже достигла какой-то точки невозврата… и читаю его слова, застыв взглядом на мониторе. Затуманенным, пьяным взглядом…под резкие движения собственных пальцев. Я уже не могу остановиться.

– Еще… скажи мне это еще раз, пожалуйста.

Это пишется само…как жалобный стон опытному любовнику.

– Еще быстрее, Харли. Добавь третий палец. Еще сильнее. Я хочу, чтобы ты закричала. Хочу увидеть твои слезы, когда ты кончишь. Кричи, Харли. Кричи для меня. СЕЙЧАС.

Как удар хлыста. Я даже услышала свист адреналина в барабанных перепонках, потому что меня выгнуло дугой. Неожиданно. Резко. До боли в суставах и мышцах, и пронзило наслаждением с такой остротой, что я громко застонала, сжимая коленями руку и чувствуя сокращения собственной плоти вокруг пальцев.

По щекам покатились слезы от слишком сильных и острых ощущений. Но я так и смотрела на монитор… ошарашенная. Тяжело и шумно дыша.

Не зная, что ему сейчас ответить, взмокшая и растерянная. С горящими от стыда щеками. Мой первый в жизни оргазм… и вот так. В переписке… в чужой. С ЕЕ любовником. С любовником мертвой Харли, которого я у нее украла… вместе с этой маской. Но тело все еще вздрагивало и сокращалось до тянущей боли внизу живота… с легкими стонами и пьяной истомой, от которой дрожат колени.

– Мне нравится твое молчание, Харли. Оно не лжет. Я напишу тебе утром, крошка.

Г

лава 5. Джокер, Дмитрий

«Не пытайтесь втащить,

Вписать меня в свои клише.

Ваша фальшивая улыбка подходит

К вашим лживым лицам.

Но я получаю удовольствие

От осознания вашей ничтожности».

© Marilyn Manson – «Better of two evils»

Люди утверждают, что прощание – это акт грусти, разделенный с близким человеком. Я никогда не испытывал тоски по тем, с кем расставался. Тем более что с близкими я не прощался вовсе. Их цинично у меня забрали, оставив лишь ненависть и злость там, где были любовь и надежда на долгую жизнь рядом.

Сейчас я в последний раз просматривал кадр за кадром фотографии стройной блондинки с огромными голубыми глазами, а по сути – шлюхи, за энную сумму денег подставившей меня. Одних её показаний достаточно было бы для того, чтобы снять все обвинения и найти настоящих убийц. Достаточно было рассказать о том, что долбаные два дня мы с ней не вылезали из номера в одной из гостиниц. Но сучка продала правду за бабки, которые прокутила достаточно быстро. А, может, испугалась осуждения – на тот момент ей было пятнадцать лет, хотя об этом я узнал уже в зале суда. Идиотка малолетняя…Как бы то ни было, правда – не товар, её не должны продавать и покупать. И сейчас настало время напомнить тем, кто сомневается в этом, что они глубоко ошибаются.

Она была красивой сучкой с охрененными навыками минета. Кто, бл***ь, только научить-то успел?! Впрочем, не сказать, чтобы я испытывал сожаление, лишая движениями ножа её главного рабочего инструмента. Скорее, наоборот, наслаждение от осознания, что гребаная мразь в жизни больше не произнесет ни слова лжи.

Я переносил все файлы по одному из её папки в другую, общую, и вспоминал, как растекалось по венам удовольствие от её конвульсий, когда она извивалась от боли и градом сыпались слёзы из глаз. Как охватывало оно всё тело, пока стекала струйками кровь по её рукам, капая на пол. И ощущение неограниченной власти над чужой жизнью, пока эта самая жизнь вытекает из неё алыми каплями. Когда она ползает передо мной на коленях, хватая трясущимися ладонями штанину и умоляя взглядом о милосердии.

Нет, всё же смотреть, как она узнает меня, как скручивается в беззвучных рыданиях, было не просто приятно. Это было похоже на первый вздох, после долгого погружения на дно тёмного вонючего болота. У тебя нет с собой акваланга и баллона с кислородом, ты не видишь ничего, кроме тины, забивающейся в рот и в уши…а в ту ночь я снова ожил, снова всплыл на поверхность, чтобы судорожно вдыхать воздух, который мне они все задолжали. И она одна из первых. Вкус справедливости у каждого на языке свой, кому-то он может показаться божественным, а остальным будет отдавать мертвечиной.

С улицы доносились пьяные голоса каких-то отморозков, и звон бутылок, кто-то неумело бренчал на гитаре, перекрывая тихую музыку.

Затем послышался скрипучий голос соседки и посыпался отборный мат в её адрес, после чего услышал женский вскрик и многоголосый хохот.

Выглянул в окно и почувствовал, как просыпается давно уснувшая злость: несколько ублюдков вырвали из рук соседки сумку с продуктами, видимо, наказывая за замечание. И теперь она стояла, прижав ладони к щекам и обессиленно глядя на рассыпавшиеся по асфальту яблоки и хлеб, разбитые яйца и растекшееся молоко. Тут же снова раздался громкий смех, больше похожий на ржание, и похабные ругательства в адрес МОЕЙ старушки.

Злость расправила крылья, готовясь спикировать на свою жертву, так опрометчиво подставившую свою шею.

Включил на полную музыку на компе, а затем спустился вниз и, прислонившись к косяку входной в подъезд двери, громко произнес:

– Лизавет Иванна, вы поднимайтесь к себе, я с этой проблемой сам разберусь.

Старушка растерянно взглянула на меня, и я едва не выругался, увидев в ее глазах слезы.

– А как же хлеб? А молоко моё…яйца…все разбились, – её голос сорвался.

– К себе, Лизавет Иванна. Мальчики вам всё вернут. И хлеб, и молоко, и яйца.

Дождался, пока она прошла мимо меня, шаркая ногами в изношенных старых туфлях, периодически вздрагивая от голоса орущего в динамиках Мэнсона, и поманил к себе гитариста, как и остальные уроды, молча следившего за нами.

– Мужик, те чё надо? – Парень отложил инструмент и облокотился на спинку старой деревянной скамейки, скрестив руки. Главный у них, значит.

– Иди, давай, отсюда, пока мы добрые. – Второй дегенерат обвел друзей взглядом и засмеялся. Мысленно окрестил его про себя Конём.

– Нет, парни, отсюда уйдёте вы. И на мои «раз-два-три». Иначе тебе, Конь, все зубы выбью и ржать нечем будет, понял?

–Чё? Ты охренел, бл**ь? Ты, мля, кто такой вообще? – Бугай двинулся, угрожающе вытянув шею вперед.

– Не, ну точно, конь. Слышь, в штанах у тя тоже, как у Коня? Или там как у морского конька, м?

– Ну всё, сука, ты попал! – Кинулся ко мне, пока остальные, улыбаясь во все свои кривые зубы, стояли, предвкушая мочилово.

Перехватил вскинутый кулак, заворачивая руку назад и поворачивая к себе спиной. Достал нож из-за пояса брюк и провел лезвием по испещрённому прыщами лошадиному лицу.

– Значит так, твари. Я считаю до трёх, как я сказал, а вы молча убираете всё дерьмо, что набросали здесь, и уматываете. А ты, – толчок в спину придурку, – ты всё это время ржёшь, как лошадь. Иго-го…Ты справишься, я уверен. Итак, рррааз…

Громкие маты, и сразу вся компания вскинулась в нашу сторону.

– Только подойдите, и я этому уроду улыбку нарисую прямо на шее, – ножом по горлу, надавливая так, чтобы придурки увидели алые капли крови, а здоровяк жалобно замычал что-то. Его дружки остановились, подняв вверх ладони.

– Я тебя, уё***к, отрою, ты у меня еще сосать будешь…, – Конявый извивался в моих руках, пока его дружки поспешно собирали пустые бутылки и пачки от чипсов.

– Нееет, Конь! Это ты будешь сосать, если я хоть одного из вас, уроды, здесь еще увижу. И вообще, будешь рыпаться – мигом мерина из тебя сделаю. А сейчас выполняй, что я сказал.

Он истерически заржал, как только я движением ладони сломал ему четыре пальца перехваченной руки.

– Двааа, – указывая на сумку бабули и наблюдая, как они суетливо пихают туда и грязный хлеб, и скорлупу яиц.

– Три, – дождался, пока компания свалила, потерялась где-то между домами и развернул к себе Коня, – и упаси тебя Бог, ублюдок, появиться еще раз возле моего подъезда, понял? А это, – запустил руку в карман его брюк, выуживая пятьсот рублей, – возмещение материального ущерба.

Он яростно угрожал, расписывая мне все ужасы неминуемой мести, а я хохотал, глядя, как он смешно встряхивает руку, грозясь убить меня при следующей встрече. А потом пошел в супермаркет, предварительно включив музыку на телефоне и вставляя наушники. Когда вернулся из магазина, совсем не удивился одинокой фигуре Елизаветы Ивановы, исподтишка наблюдавшей за нами в окно. Представляю, как она мысленно проклинала козырёк подъезда, скрывавший основные сцены.

Подошёл к ней, разворачивая лицом к ступеням и легко подталкивая под руку вверх.

Она испуганно отстранилась и молча прошла, прибавив шаг, когда я начал читать ей Пушкина вслух.

– Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя, одна в глуши лесов сосновых давно, давно ты ждешь меня…

Открыла дверь, намереваясь прошмыгнуть в квартиру, но я успел подставить ногу в проём и протянул ей пакет с покупками.

– Вот, Лизавет Иванна. Парни те передали. Вместе со своими глубочайшими извинениями.

Подмигнул ошарашенной старушке и зашёл в свою квартиру, встретившую словами композиции самого великого урода на свете.

«Я вытру ноги об вас, когда буду подыматься,

И вытру ноги об вас, когда буду спускаться.

Я вытру ноги об вас, когда буду подыматься,

И вытру ноги об вас, когда буду спускаться».

© Marilyn Manson – «Better of two evils»

Сел за компьютер, зашел в аккаунт, открывая ночную переписку с Принцессой, перечитывая её и вспоминая свои ощущения при нашей первой встрече, о которой, она, правда, не подозревала. Адам сказал, что она невероятно красивая. Придурок. Можно подумать, я не видел её фотографий. Да, я сам мог ему рассказать всю её подноготную.

«– Нет! Она не просто очередная красивая сучка. Она…особенная.

– Обычно, когда не хотят обидеть женщину, её называют особенной, парень. А красивая сучка – это уже комплимент.

– Да, пошел ты, – отмахнулся, усаживаясь на диван, – она действительно особенная. Да, красивая. И да, сучка. Но не похожа на остальных. В офисе несколько шлюхоподобных красоток в обтягивающих юбках в стиле «трахни – меня – я твой адвокат», и их реально можно отыметь прямо на рабочем столе под шум офисных ламп и жужжащих компьютеров…А Мира…С ней хочется большего. Большего, чем трах на столе или в машине.

– Какая к черту Мира? – гнев вспыхнул мгновенно, вызвав желание вмазать как следует этому кретину, – что за романтическая херня? Можешь трахнуть её не на столе, а в художественной галерее или музее, если она такая особенная, мне плевать! Но не более того!

– Последнее, о чем я у тебя буду спрашивать – это где, кого и как мне трахать, Джокер!

– Последнее, что я тебе позволю – это развалить мои планы, Адам!».

Этот разговор состоялся до того, как она наконец ответила на моё сообщение Харли. Поначалу даже подумал, что мне прислала пламенный привет с того света маленькая куколка со светлыми локонами. Не сказать, чтобы я не ждал этого. Наоборот. Именно поэтому оставил часть сообщений Харли, наиболее интригующие из них для тех, кто сунет нос в нашу переписку. Конечно, риск того, что это окажутся менты, был более чем высокий. Если бы я не удалил все ярлыки соцсетей с компьютера и телефонов нашей золотой девочки. Ну, и никнейм задорной красотки комиксов Харли Квин сослужил неплохую службу для той, кто хотела скрыть свою личную жизнь от окружающих.

А вот Мирослава Лазаревна оказалась довольно шустрой девочкой, несмотря на образ холодной красавицы, и зная все подробности наших с Ниной отношений и полазив в CRM своей подружки, не без помощи Адама всё-таки зашла в её аккаунт.

Принцесса с зеленым взглядом. Не спецслужбы, которые, вытащив языки, подобно послушным псам, бегали в поисках дичи, указанной им господином Богатовым, разъяренным смертью дочери, не родственники моей бедной Харли, которых интересовали только деньги и положение ее отца. Которые считали девушку белой вороной в семье благородных павлинов. Они похоронили её так недавно, но уже сегодня и не вспомнят, какого цвета были её глаза.

Как много некоторые люди готовы поведать о себе, находясь по разные стороны монитора компьютера.

Харли рассказывала мне о семье, которая долго не могла смириться с её выбором жить отдельно и работать обычным программистом, вот почему Богатов вовремя подсуетился и устроил её на фирму своего партнёра.

Она с горечью, проступающей сквозь черно-белый текст, говорила о том, как крутили у виска родственники, искренне не понимавшие тяги взрослой девушки к миру комиксов и отвергавшей ухаживания мужчин из-за непонятного увлечения компьютерами. Если бы они могли знать, что в интернете иногда можно получить гораздо больше, чем в реальной жизни за любые деньги…

А ещё Харли рассказывала мне о ней. О Славе, которая заменила ей и отца, и мать, и сестру. О единственном человеке, который любил её искренне. Харли была очень обязательной и ответственной девочкой, особенно в отношении того, что хотела очень сильно. А хотела она только одного – меня. И поэтому беспрекословно выполняла все условия игры: от «прогуляться голой по парку» до «установить камеру видеонаблюдения в кабинете самого несносного человека из ее окружения». К сожалению, для Дмитрия Лазаревича Белозерова, больше всего на свете Нина презирала его.

В перечень условий также входил подробный рассказ о самом близком человеке. И теперь я знал о Принцессе абсолютно всё. Вплоть до того, что она не испытывала оргазма с мужчинами. Никогда. Красавица и умница, гордость семьи Белозеровых оказалась с маленьким дефектом, о котором знала только её близкая подруга.

Именно поэтому я не поверил бы ей, даже если бы не видел, когда маленькая Принцесса решила сыграть в игру, с правилами которой не была даже знакома.

«– Почему ты думаешь, что я лгу тебе?».

Потому что такие, как ты, скорее ахнут, прикрывая ротик ладонью, чем запустят руку между ног, даже если их никто не видит, крошка.

Потому что тебя мало заинтересовать, тебе нужно обещать нечто большее, чем ты можешь получить сама. И ты увидела это обещание, иначе не приняла бы

покорно эту игру.

Впрочем, ты тоже подарила мне то, чего я не ожидал получить. По крайней мере не так скоро. Чувство настоящей победы, пока смотрел на застывший монитор, отсчитывая секунды, растянувшиеся в безумно долгие минуты.

Переводил взгляд на бинокль и матерился сквозь зубы, глядя на тебя с широко распахнутыми ногами, закинутыми на письменный стол и откинутой назад головой, с закрытыми глазами…и этой изящной ручкой между ног, от которой не мог отвести глаз. Смотрел на тебя, застывшую в этой позе и чувствовал, как сжимаются яйца от возбуждения. И мерзкий голос в голове требовал преодолеть долбаные метры и залезть в твое вечно распахнутое окно, развернуть лицом к себе кресло и, подтянув к себе за упругую задницу, ворваться в это напряженное тело, выбивая твои первые крики настоящего удовольствия.

Азарт бурлил в крови, отказываясь утихнуть, пока твоя тишина взрывалась яркими красками удовольствия.

Я долго тогда просидел, наблюдая за твоим наслаждением, которое медленно сменялось ужасом от осознания произошедшего. Только что ты попробовала самый крутой наркотик, крошка. И ты подсядешь на него так же, как твоя чокнутая подруга, но я обещаю быть с тобой настоящим.

Качая головой под старика Мэнсона, я до сих пор, когда закрываю глаза, вижу тебя одну в тёмной комнате перед светящимся монитором компьютера…

«Я не просто мертвец – я пустышка,

Сотканная из шрамов и наполненная моими старыми ранами».

© Marilyn Manson – «Better of two evils»

Я сказал, что напишу ей утром, и не написал. Но сообщений от нее самой так же не было. Видимо, девочка всё еще переваривала произошедшее.

Перешел в конец сообщений, с улыбкой глядя на её значок онлайн.

«Здравствуй, крошка. Я соскучился!».

И это было правдой.

***

Дмитрий Лазаревич Белозеров нетерпеливо исподтишка посматривал на часы: по его расчётам полякам следовало убраться из его кабинета еще минут сорок назад. Но щепетильные владельцы крупной торговой фирмы тщательно изучали договор об оказании юридических услуг, после подписания которого Дмитрий Лазаревич надеялся получать ежемесячно неплохую сумму за юридическое сопровождение деятельности предприятия.

Еле слышно завибрировал смартфон, и Белозеров скупо улыбнулся партнерам, не желая нарушать этикет и отлично понимая, кто ему мог написать. Провел рукой по заботливо уложенным тёмным волосам, с облегчением выдохнув, когда на последней странице контракта наконец была поставлена нужная подпись. Встал, прощаясь с новообретенными партнерами, произнес пару дежурных шуток и, похлопав по плечу одного из них, прислонился бедром к стеклянному столу, скрестив на груди руки в ожидании. Долго ждать не пришлось. Прошло менее трех минут, и в кабинет ворвался слегка взъерошенный блондин с улыбкой самого искусителя. Прикрыл за собой дверь и выдохнул тихо, но так, что Дмитрий Лазаревич мгновенно возбудился:

– Я думал, я сдохну, если ты меня сейчас же не трахнешь.

Бросился на Белозерова, впиваясь поцелуем со вкусом ментола в его усмехающийся рот и опрокидывая его на спину, срывая пуговицы и не обращая внимания на протестующий и в то же время довольный шёпот своего любовника, который во всем предпочитал аккуратность. Прикусил ключицу, и Дмитрий застонал в голос, закрывая глаза и вздрагивая от ощущения тысячи мурашек, пробежавших по телу. Чертыхнулся, нетерпеливо поднимая партнера с колен и языком слизывая собственный вкус с его губ, пока трясущиеся руки помогали тому торопливо расстегивать молнию брюк.

Уже после бурного секса на столе для переговоров, Дмитрий Лазаревич сидел в расстегнутой рубашке, с сигаретой в длинных пальцах и сердито глядя на своего заместителя, в расслабленной позе раскинувшегося прямо там, на столе.

– Совсем охренел, Олег? Одежду зачем портить? Как мне теперь выйти отсюда? У меня через полтора часа пресс-конференция.

– Вон позови свою Ирочку, – скривился любовник, – пусть зашьет. Ей не привыкать. Кинешь ей пару сотен баксов – молчать будет до гроба.

Блондин с неохотой встал и подошел к Белозерову, провел по его волосам пальцами, любуясь блеском темного шёлка.

– Соскучился я, Дим. Дико соскучился. Сейчас уеду, и две недели не увидимся.

Белозеров тяжело выдохнул, думая о том, что запросто найдет себе другого парня на срок этой разлуки, и тот поджал губы, будто читая его мысли и жалея, что сболтнул лишнего. Иногда Олег Котов сильно сомневался, что его партнёр понимает, что означают слова «любовь», «скучал» и «ценю».

Всё, что его интересовало – это работа, деньги, репутация и амбиции. О, Котов знал только одного человека, более амбициозного, чем Дима. Это его отец. Все остальные уступали Белозерову – сыну как в жестокости при принятии некоторых решений, так и в используемых методах для достижения своих целей.

Котов отчетливо понимал, что даже качественный трах, который был между ними, не придавал ему ценности в глазах любовника.

– Не ты, так другой, Олег, – озвучил его мысли Белозеров, и мужчина стиснул челюсти и наклонился за разбросанной на полу одеждой.

Тем временем генеральный вызвал по селектору секретаршу, и та вошла в кабинет, невозмутимо открыв дверь с ключом. В её руках был чехол с одеждой, и Котов еле подавил чувство раздражения, подкатившее к горлу. У этого педанта даже секс не мог быть случайным.

– Я был у вас в гостях, – остановился, ожидая реакции на свои слова, но Белозеров лишь приподнял бровь, и он продолжил, – Лазарь Вячеславович недоволен тем, что ты не присутствовал на похоронах дочери его друга и крупного компаньона.

– И где, согласно твоим словам, я был в это время?

– Во Франции. По делу Соколинского ездил на переговоры с его бывшей супругой.

– И?

– Наивно полагать, что при желании твой отец не узнает, где на самом деле ты был.

– Поверь, Олег, относительно друг друга у нас с отцом только два желания: у него – пара достойных фамилии Белозеровых внуков. А у меня – скорая кончина папеньки и долгожданный приезд нотариуса в родительский дом. Мы же идеальная семья, ты помнишь?

Белозеров подмигнул ему, усмехнувшись.

– Мирослава была на похоронах. Выглядела довольно разбитой, стоя рядом с отцом.

Дмитрий скривился, словно ему было неприятно одно упоминание о младшей сестре.

– Всё как-прежнему? Всё та же должность в той же отцовской фирме?

– Всё так же одна, всё в той же квартире, – подхватил Котов, зная, что за напускным безразличием возлюбленного скрывается самый настоящий интерес. Нет, конечно, о братской заботе и речи не шло – только не с приоритетами Белозерова.

Он скорее воспринимал свою сестру, как возможность удачного слияния с каким-нибудь презентабельным семейством. Это в лучшем случае. И Олег это точно знал – Дмитрий её не любил. За тот случай, о котором Белозеровы предпочитали молчать. Олег предполагал, что из-за него, даже не догадываясь, что руководила старшим братом даже не злость, а разочарование и презрение к сестре, которая до сих пор страдала из-за произошедшего. Воистину, по мнению Дмитрия, сестра не заслуживала большего, с головой погрузившись в это горе и

жалость к себе.

Дмитрий сам жалеть не умел. Никого и никогда. Для него синонимом жалости было слово «презрение». И если бы не поразительное сходство сестры с отцом, то Дмитрий запросто мог упрекнуть свою мать в неверности. Недостойна была единственная дочь носить их древнюю, великую фамилию. Эдакое слабое звено в их семье. И он не раз думал о том, что лучше бы тогда именно она, а не Саша тогда…. Брат, по крайней мере, не раздражал его так, как сестра. Как женщины вообще. Еще будучи подростком, он открыл эту свою постыдную особенность – его не возбуждали женщины. Абсолютно. Парни ходили тайком подсматривать за девочками, пока те переодевались на физкультуру, а Дима в это время сжимал ладонью член, отвернувшись лицом к стене и исподтишка разглядывая их голые тела.

Придумывал несуществующие истории своих ночных похождений для приятелей, а сам оголтело мастурбировал на фотографию лучшего друга в одном полотенце, украденную у того из семейного альбома. Одноклассники тратили кучу денег на элитных проституток, и он тоже платил им немало, но только за то, чтобы ночные бабочки нагло лгали в компании о его способностях, рассказывая о том, чего он никогда не пробовал. А он смотрел безучастно на их голые груди, на которые пускали слюни друзья, и намеренно громко и пошло шутил.

До тех пор, пока не решил, что хватит. Что он получит то, чего хотел столько лет и пора действовать. На одной из таких вечеринок напоил того самого друга до беспамятства и разложил его прямо на диване в комнате. И улетел от восторга. Сходил с ума от каждого прикосновения и выдоха. Его первый настоящий оргазм с любимым человеком, который утром, осознав, что произошло, избил бывшего друга. Да так, что тот слёг в больницу на месяц, а вышел из неё с четким желанием отомстить обидчику. Он был сыном своего отца и он привык получать желаемое. Алексея Спирина за содеянное выгнали из школы в выпускном классе, а его отца лишили высокой должности, не без ходатайства Лазаря Вениаминовича, который, конечно, не знал истинного положения дела и до последнего верил во вспыхнувшую ссору между друзьями за внимание первой красавицы класса.

К слову сказать, сейчас Дима «ухаживал» за той самой красавицей и намеревался объявить о помолвке с ней как раз в разгар предвыборной кампании.

Идеальная семья не могла иметь неидеального ребенка, вот почему Дима так злился на младшую сестру, не сумевшую скрывать свои слабости и, естественно, являвшейся еще одной наследницей огромного состояния его семьи.

Глава 6. Мирослава

«Часы показывают половину третьего,

Я тихонько просыпаюсь.

Я знаю, что-то не в порядке,

И медленно подхожу к двери.

Ощущая жару сквозь стены,

Я чувствую снаружи горький запах.

Все, что я вижу -

Языки пламени вокруг.

И все, о чем я думаю -

То, что я одна.

Пожалуйста, найди и спаси меня…»

©«In This Moment» – «World in Flames»

Я сидела, вдыхая аромат свежезаваренного кофе со сливками, если бы не он, этот длинный день казался бы еще более тяжелым и бесконечным. Сделала глоток и расслабленно откинулась на спинку кресла. Внутри все равно клокочет

осадок от ссоры с Никитой. Почему-то мужчина считает, что, если переспал с тобой несколько раз, то он имеет на тебя все права. Ему и в голову не приходит, что это ты выбрала, с кем спать, когда и сколько раз. И иногда этот выбор был случаен, мимолетен и не вызывал ничего, кроме чувства разочарования и сожаления. Но он начинает копаться в себе, в тебе, ищет причины, делает выводы и просто не может понять, что тебе не было вкусно. И дело не в его внешности, сексе. Просто ты поела в этом ресторане и больше туда не хочешь. Не потому, что там плохо готовят, а просто не хочешь. Тебе там шторки не понравились. Так и с Никитой. Мы были с ним два раза после корпоратива. Я сыграла для него умопомрачительный оргазм и решила, что меня дико раздражает запах его тела, слюны и все эти словечки, которые он говорит во время секса и от которых хочется уснуть. Только его мои довольно тактичные отмазки от дальнейшего развития отношений не устроили, и, вернувшись с отпуска, он решил показать, как он соскучился, прижав меня к стене и пытаясь взять прямо в кабинете, задрав юбку мне на пояс и насильно целуя в губы, за что и получил по физиономии, а потом и каблуком по лодыжке.

– Ты совсем охренела, Белозерова? Ты что?

– А то, что «нет» – это «нет», а не «я согласна». Понял? Так более доходчиво?

– А как же…

– Что? Случайный секс? Иногда он бывает у людей, работающих вместе. Если тебе трудно с этим смириться – смени рабочее место.

– Стерва ты, Слава. Фригидная, долбаная сучка, возомнившая себя крутой!

Я ударила его по второй щеке, и после этого он сгреб свои папки и решил свалить с кабинета.

– Ты пожалеешь об этом и мне плевать на твоего папочку!

Скатертью дорога. Придурок. Как говорят, не бывает фригидных женщин – бывают паршивые любовники… И теперь я точно знала, НАСКОЛЬКО это правдивое высказывание. И смазливый Никита явно не обладал ни одним из достоинств моего другого любовника… чьего лица я так ни разу и не видела.

Я никогда раньше не отсчитывала время до вечера. Наоборот, офис всегда был для меня своеобразной отдушиной, местом, где отходили на задний план все личные проблемы и переживания, и оставались только вопросы деловые. Я с головой окуналась в тот или иной контракт, а при особо запутанных случаях и вовсе выключала мобильный телефон, полностью растворяясь для окружающего мира.

Но с некоторых пор я перестала выпускать смартфон из рук, где бы ни находилась. Ходила с ним даже в уборную. Я постоянно ждала сообщения. От него. Он мог написать в любое время, а мог не вспоминать обо мне целый день, заставляя сходить с ума. Когда на определенном этапе все мысли возвращаются только к дисплею телефона, а ночью не спишь, потому что ждешь… И ничего. И ты бессильна что-либо изменить. Он мог дать почувствовать, насколько все это несерьезно, и вдруг, совершенно неожиданно следующим утром, отправить как ни в чём ни бывало своё фирменное "здравствуй, маленькая, скучала по мне?", и я застывала над этим коротким предложением на долгие секунды. Сердце сжималось от предвкушения и тут же пускалось в бег от какой-то странной радости. Написал… Наконец-то. Как же я хотела хотя бы одно слово…Пусть даже отдаленно понимала, почему так ждала его каждое утро и вечер. Джокер стал моим билетом в другую жизнь. Туда, где не имели значения ни одно из навязываемых с детства правил и принципов. Туда, где я могла быть с ним настоящей, пусть даже и под чужим именем. Я писала ему "Здравствуй. Безумно скучала по тебе" и понимала, что это правда. Каждое слово было правдой. Я лгала ему, но никогда и ни с кем еще не была настолько настоящей, как с ним. Я уже не представляла свой день без него. Я запутывалась в этих отношениях все сильнее и сильнее. Джокер был для меня более реальным, чем кто-либо из тех, кто меня окружал. Пока в один определенный момент я не поняла, что влюбилась в него.

Сегодня я задержалась на работе – нужно было разобраться с одним делом, но мысли то и дело убегали совершенно в другую сторону. Очередной взгляд на часы, и я не сдержала вздох разочарования. Еще три часа до нашего «свидания». Автоматически проверила чат – ничего. Свернула окно и наконец открыла файл с макетом искового заявления, как вдруг завибрировал телефон – пришло сообщение на мейл. Зашла через компьютер на свою электронку:

Отправитель: какой-то незнакомый Anonymus666.

Тема сообщения: Возмездие.

Текст сообщения: Есть вещи, которые не стоит забывать. Приятного просмотра, сучка. Наслаждайся.

Горло перехватило от ужасной догадки. Остановилась, не рискуя щёлкнуть трясущейся рукой на видеозапись, прикрепленную к сообщению. Тело сковывал обжигающий ледяной страх, заставляя вжаться в спинку кресла. Я догадывалась, что мне прислали. Так бывает. Просто знаешь и всё… Потому что есть только одна вещь, которая могла меня напугать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_veronika/plach-princessa-plach

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити